

INSPIRIA

РОСКОШЬ НЕ МОЖЕТ ДОЛГО
СКРЫВАТЬ СЛЕДЫ СТРАШНОГО ПРОШЛОГО...

САНАТОРИЙ

САРА ПИРС

INSPIRIA

Сара Пирс Санаторий

Серия «Ток. И не осталось никого»

Серия «Детектив Элин
Уорнер», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65773230

Санаторий: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155884-0

Аннотация

Элин Уорнер уже год не работает детективом. Посттравматический синдром и похороны матери заставили ее позабыть о карьере. И ей совершенно не хочется ехать на помолвку брата, давно ставшего ей чужим.

Прибыв в самый разгар ужасной бури, Элин сразу же чувствует себя не в своей тарелке. Изолированный от мира отель в швейцарских Альпах – такой же шикарный как и на картинке, но сквозь роскошный фасад все равно проглядывает заброшенный санаторий.

Когда невеста брата бесследно исчезает, Элин понимает, что предчувствие ее не обмануло. Надвигающаяся снежная лавина повергает в панику и остальных гостей. Но эвакуацию

останавливают, когда в бассейне находят труп женщины. И Элин единственная, кто может разобраться в происходящем, даже если ответы кроются в мрачном прошлом...

Представьте себе книгу, которую Стивен Кинг и Агата Кристи написали вместе. Результат – идеальный готический триллер, полный умных загадок и тревожной атмосферы.

«Совершенно великолепный готический триллер, изящный в своих отсылках к классическим герметичным детективам, но достаточно смелый, чтобы вырваться из этой замкнутой атмосферы через окно. Пирс пишет свежую и хрустящую, как снег швейцарских Альп, прозу, и ее персонажи очаровывают, даже когда их число неумолимо сокращается». – *А. Дж. Финн*

«Этот щекочущий нервы триллер обладает всем необходимым: тревожной атмосферой, острым языком и непредсказуемыми поворотами сюжета». – *Ричард Осман*

Содержание

Пролог	7
1	17
2	24
3	31
4	36
5	39
6	43
7	50
8	54
9	62
10	68
11	77
12	82
13	85
14	90
15	95
16	99
17	104
18	111
19	113
20	121
21	129
22	134

Сара Пирс

Санаторий

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Моей семье

On nous apprend à vivre quand la vie est passée.

Нас учат жить, когда жизнь уже прошла.

Мишель де Монтень

Мне нравятся ограничения. Они придают уют.

Жозеф Диран

Пролог

Январь 2015 года

На полу валяется брошенное медицинское оборудование: ржавые хирургические инструменты, разбитые пузырьки и колбы, спущенное колесо старого инвалидного кресла. К стене привалился изодранный матрас, из которого торчит набивка цвета желчи.

На крепко сжимающего свой портфель Даниэля Леметра внезапно накатывает волна отвращения, словно время завладело самой душой здания и оставило на ее месте гниль и заразу.

Он быстро идет по коридору, шаги по плиткам отдаются эхом.

Смотри только на дверь. И не оглядывайся.

Но брошенные предметы притягивают взгляд, ведь каждый рассказывает собственную историю. Так легко вообразить находившихся здесь людей, которые кашляли, пока не осталось легких.

Порой ему кажется, что он даже улавливает запах из прошлого – едкий и кисловатый запах химикатов, наполнявший воздух операционных.

Пройдя половину коридора, Даниэль останавливается.

В комнате напротив шевелится какое-то темное расплывчатое пятно. У Даниэля душа уходит в пятки. Он застывает и всматривается в сумрак. На полу комнаты разбросаны бумаги, в глубине видны кривые трубки дыхательного аппарата, сломанный остов кровати, какие-то обломки.

От напряжения кожа покрывается мурашками, но ничего не происходит. В здании тихо.

Даниэль медленно выдыхает и идет дальше.

Не глупи, твердит он себе. Ты просто устал. Слишком часто засиживался допоздна и рано вставал.

Даниэль распахивает входную дверь. Снаружи сердито завыывает ветер, раскачивая дверь на петлях. При первом же шаге Даниэля ослепляет порыв ледяного ветра со снегом, но он все равно рад оказаться на улице.

Санаторий лишает его присутствия духа. Хотя Даниэль прекрасно знает, каким станет здание, и нарисовал каждую дверь, каждое окно и выключатель нового отеля, сейчас он ничего не может с собой поделать и погружается в прошлое этого места.

Фасад не многим лучше, думает он, бросая взгляд наверх. Суровое угловатое здание облеплено снегом. Оно запущено и разрушается – балконы, балюстрады и длинные веранды осыпаются и гниют. Несколько окон до сих пор целы, но большинство заколочено, на фасаде торчат уродливые прямоугольники фанеры.

Какой контраст с домом Даниэля в Веве, с видом на озеро. Тот дом построен в современном стиле, в основном из стекла, чтобы открывался панорамный вид на воду. На крыше терраса, и есть небольшой причал.

Даниэль сам все это спроектировал.

С образом дома приходят и мысли о Джо, жене Даниэля. Сейчас она, должно быть, только что вернулась домой с работы, и в ее голове до сих пор бурлят мысли о рекламных бюджетах и слоганах, но она уже отправила детей делать уроки.

Даниэль представляет ее на кухне за приготовлением ужина – рыжие волосы падают на лицо, пока она что-то ловко нарезает. Она готовит что-то простое – пасту, рыбу или жаркое. Они оба не мастаки в домашних делах.

Эти мысли его бодрят, но лишь на короткое время. Когда Даниэль пересекает парковку, его начинают одолевать первые опасения по поводу обратной дороги.

До санатория и в хорошую погоду не так-то просто добраться, он стоит на отшибе, высоко в горах. Такое место выбрали намеренно, чтобы оградить туберкулезников от городского смога, а остальных горожан – от них.

Но отдаленное местоположение означает кошмарную дорогу – серпантин с крутыми поворотами, проложенный через густой ельник. Этим утром по пути наверх дорога была едва видна, а снежинки впивались в ветровое стекло белыми ледяными стрелами, так что было сложно что-то разглядеть

даже в нескольких метрах впереди.

Даниэль уже подходит к машине, когда на что-то наступает – это обрывок транспаранта, наполовину припорошенный снегом. Буквы грубо намалеваны красным.

NON AUX TRAVAUX!

НЕТ СТРОИТЕЛЬСТВУ!

Кипя гневом, Даниэль топчет транспарант ногами. На прошлой неделе протестующие устроили здесь демонстрацию. Больше пятидесяти человек выкрикивали оскорбления и махали вызывающими транспарантами ему в лицо. Снимали все на мобильные телефоны и выложили записи в социальных сетях.

Одна из бесконечных битв, в которых пришлось сражаться, чтобы запустить этот проект. Люди утверждают, что им нужен прогресс и поток франков от туристов, но когда доходит до дела, начинают ерепениться.

И Даниэль понимал почему. Люди не любят победителей.

Так когда-то сказал ему отец и был прав. Поначалу местные тепло принимали Даниэля и одобряли мелкие успехи – торговый центр в Сьоне, многоквартирный дом с видом на Рону в Сиерре, – но потом он слишком размахнулся. Стал слишком успешным, слишком влиятельным.

Даниэль понимал, что в их глазах уже получил свой кусок пирога и теперь лишь от жадности хочет большего. Ему всего тридцать три, архитектурное бюро процветает – открылись представительства в Сьоне, Лозанне, Женеве. И еще од-

но планируется открыть в Цюрихе.

И то же самое относится к Лукасу, застройщику и его лучшему другу. Ему слегка за тридцать, а уже владеет тремя приметными отелями.

Люди ненавидят их обоих за благополучие.

А этот проект стал последним гвоздем в крышке гроба. Уже было все: интернет-тролли, угрожающие электронные письма, бумажные письма в офис, протесты против строительства.

Сначала занялись Даниэлем. В местных блогах расползлись слухи о том, что его бизнес якобы испытывает трудности. Потом перекинулись на Лукаса. С похожими наветами, от которых он легко отмахнулся, но одна сплетня ударила особенно больно.

И Даниэля это беспокоило больше, чем он сам себе признавался.

Слухи о взятках. Коррупции.

Даниэль пытался поговорить об этом с Лукасом, но его друг каждый раз обрывал разговор. И мысли об этом терзают Даниэля, как и многое другое в проекте, но он гонит их прочь. Лучше не обращать на это внимания. Сосредоточиться на результате. Отель укрепит его репутацию. Напор Лукаса и его скрупулезность в деталях побудили Даниэля создать исключительно амбициозный проект, который станет вершиной его творческой карьеры.

Даниэль подходит к машине. На ветровое стекло налип

толстый слой снега. Дворники не справятся, придется сначала почистить самому.

Но, сунув руку в карман за ключами, он кое-что замечает. Браслет, лежащий рядом с передним колесом.

Даниэль нагибается и подбирает его. Это тонкий медный браслет. Даниэль крутит его в пальцах. И видит выгравированные с внутренней стороны цифры. Дата?

Даниэль хмурится. Браслет наверняка принадлежит тому, кто побывал здесь сегодня, ведь так? Иначе его завалило бы снегом.

Но почему он лежит так близко к машине? В голове мелькают образы протестующих, их злобные, глумящиеся лица. Может, браслет принадлежит кому-то из них?

Даниэль заставляет себя сделать глубокий вдох, но когда сует браслет в карман, то замечает что-то краем глаза – какое-то движение за сугробом, выросшим у стены парковки.

Нечеткий профиль.

Сжимающая ключи ладонь потеет. Даниэль с силой нажимает на кнопку, чтобы открыть багажник, и застывает, поднимая голову.

Между ним и машиной стоит человек.

Даниэль таращится на него, на краткий миг теряя возможность двигаться, мозг лихорадочно пытается понять, что перед ним и как кто-то мог так быстро подойти к нему незамеченным.

Фигура закутана в черное. И что-то закрывает ее ли-

цо. Что-то, напоминающее по форме противогаз, только без фильтра спереди. Вместо него ото рта к носу идет толстая резиновая трубка. Коннектор. Черный гофрированный шланг колышется, когда человек переминается с ноги на ногу.

И выглядит это ужасающе. Чудовищно. Нечто скребется в самых темных глубинах подсознания.

«Думай, – говорит себе Даниэль, – думай». Мозг начинает судорожно перебирать варианты – каким образом превратить этот кошмар в безобидную шалость. Это розыгрыш, только и всего, кто-то из демонстрантов решил его напугать.

Человек делает шаг в его сторону. Четкое, выверенное движение.

Теперь Даниэль видит лишь надвигающееся кошмарное лицо, обтянутое черной резиной. Складки трубки-хобота. А потом слышит и дыхание – странное причмокивание, идущее из-под маски. Влажный, булькающий вдох.

Сердце в грудной клетке бешено колотится.

– Что это? – говорит Даниэль и слышит в своем голосе страх. Дрожь, которую пытается подавить. – Вы кто? И что вы здесь делаете?

Его лицо щекочет капля. Снег плавится от жара его тела. Или это пот? Даниэль точно не знает.

«Да брось, – говорит он себе. – Возьми себя в руки. Это просто какой-то чудик шатается где попало. Сейчас ты пройдешь мимо него и сядешь в машину».

Но тут, посмотрев под другим углом, он замечает чужую

машину. Ее не было здесь, когда он приехал. Черный пикап. «Ниссан».

«Давай, Даниэль, шевелись».

Но тело будто сковало льдом, оно отказывается подчиняться. Он может только слушать странное дыхание из-под маски. Теперь оно стало громче, быстрее и более хриплым.

Громкое хлюпанье и свист на высоких нотах.

Снова и снова.

Человек придвигается ближе. Он держит что-то в руке. Нож? Даниэль не может различить. Все скрывают толстые перчатки.

Давай же, шевелись!

Даниэлю удастся сделать шаг вперед, потом второй, но страх сковывает мышцы. Он спотыкается в снегу, правая нога скользит.

И когда он выпрямляется, уже поздно – рука в перчатке затыкает ему рот. От перчатки несет затхлостью, а маска пахнет жженой резиной, пластиком и чем-то еще.

Чем-то знакомым.

Но прежде чем мозг успевает найти ассоциацию, что-то протыкает Даниэлю бедро. Вспышка боли. Мысли разбегаются, а потом разум затихает.

А через несколько секунд проваливается в небытие.

Пресс-релиз (не выпускать до полуночи 5 марта 2018 г.)

«Вершина»

О-дю-Плюмаши

Кран-Монтана, 3963, Вале, Швейцария

На швейцарском курорте Кран-Монтана открывается пятизвездочный отель

Отель «Вершина», расположенный над курортом Кран-Монтана, на солнечном горном плато высоко в Швейцарских Альпах, – детище застройщика Лукаса Карона.

Через долгих восемь лет планирования и строительства один из старейших городских санаториев наконец-то открывается вновь, превратившись в роскошный отель.

Основное здание спроектировал в конце девятнадцатого века прадед Карона, Пьер Карон. Санаторий стал известен по всему миру как центр лечения туберкулеза, прежде чем открытие антибиотиков вынудило его расширить специализацию.

Позже здание получило всемирное признание за инновационную архитектуру и в 1942 году посмертно принесло Карону-старшему награду швейцарской художественной выставки. Чистые линии вкупе с большими панорамными окнами, плоские крыши и строгие геометрические формы. Как описал здание один из судей, «благодаря революционному и чрезвычайно функциональному дизайну возник безупречный переход между зданием и окружающим пейзажем».

Как сказал Лукас Карон, «пора вдохнуть в это здание новую жизнь. Мы уверены, что, опираясь на правильные принципы, бережно восстановим здание и превратим его в отель, отдавая дань богатому прошлому».

Команда, возглавляемая швейцарской архитектурной фирмой «Леметр и Ко», обновила здание, добавив спа-комплекс и конференц-зал, оборудованные по последнему слову техники.

В реконструированной «Вершине» нашли инновационное применение материалам местного производства: дереву, сланцу и камню. Элегантные современные интерьеры отеля не только отражают мощь окружающего пейзажа, но и раскрывают новые грани исторического здания. По словам Филиппа Волкема, генерального директора компании «Туризм Вале», «отель, несомненно, станет бриллиантом в короне одного из лучших зимних курортов в мире».

Прессу просим обращаться в пиар-агентство «Леман» в Лозанне.

Для подробной информации или бронирования посетите сайт www.lesommet_cransmontana.ch.

1

Январь 2020 года

День первый

Фуникулер из лежащего в долине городка Сиерре поднимается вдоль горного склона до Кран-Монтаны почти вертикально.

Скользя над заснеженными виноградниками и городками Вантон, Шерминьон, Моллен, Рандонь и Блуш, за четыре километра пути он поднимает пассажиров более чем на девятьсот метров всего за двенадцать минут.

Вне туристического сезона фуникулер обычно почти пуст. Большинство людей поднимаются в гору на машине или на автобусе. Но сегодня, когда дороги почти встали из-за пробок, он набит битком.

Элин Уорнер стоит с левой стороны набитого вагончика, рассматривая все, что ее окружает: налипающие на окна жирные хлопья снега, громоздящиеся друг на друга сумки, прямо в слякоти на полу, и тощих подростков, толкающихся у двери.

Ее плечи напряжены. Она уже и забыла, какими бывают дети в этом возрасте: эгоистичные, не замечающие никого, кроме себя.

Ее щеку задевает намокший рукав. Элин вдыхает запах сырости, сигарет, какой-то жареной еды и мускусно-цитрусовый аромат дешевого одеколona. За этим следует хриплый кашель. И смех.

С громкой болтовней в дверь вваливается группа мужчин со спортивными сумками North Face за плечами. Они отодвигают стоящее рядом с ней семейство в глубь кабинки, прямо на нее. Элин чувствует горячий пивной перегар на своей шее, ее касаются чьи-то руки.

И ее тут же охватывает паника. Сердце колотится, гулко стучит в грудной клетке.

Когда же это закончится?

Прошел год после дела Хейлера, а она все никак не может выкинуть его из головы и из своих снов. Элин все так же просыпается посреди ночи, на мокрой от пота простыне, и сон стоит перед глазами как наяву – рука сжимает ей горло, влажные стены надвигаются, пытаясь раздавить.

Потом она барахтается в соленой воде, которая заливается в рот, в нос...

Возьми себя в руки, твердит себе Элин и силой воли переводит взгляд на граффити на стенке фуникулера. Не позволяй кошмару тебя контролировать.

Взгляд пляшет по нацарапанным на металле буквам:

Мишель 2010

Всем чмоки

Элен и Рик 2016

Следуя взглядом по надписям до окна, она вздрагивает. Ее отражение... на нее смотрит сама боль. Она так исхудала. Слишком сильно.

Словно что-то опустошило ее изнутри, выгрызло самую ее суть. Ее скулы заострились, слегка раскосые серо-голубые глаза стали больше и заметнее. Даже копна взлохмаченных белокурых волос и размытый шрам на верхней губе не смягчают внешность.

После смерти матери она только и делала, что тренировалась. Десятикилометровые пробежки. Пилатес. Тренажеры. Поездки на велосипеде по побережью, от Торки до Эксетера, под пронизывающим ветром и дождем.

Это было уже слишком, но она не смогла бы остановиться, даже если бы захотела. Только это у нее и осталось, единственный способ изгнать из головы навязчивые мысли.

Элин отворачивается. Пот щекочет затылок. Глядя на Уилла, она пытается сосредоточиться на его лице, на знакомой щетине, темнеющей на подбородке, на не поддающейся приручению темно-русой шевелюре.

– Уилл, что-то я...

Он вздрагивает. Элин уже видит намек на будущие морщинки на встревоженном лице, сеточку линий вокруг глаз, легкие складки на лбу.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

Элин качает головой, от слез щиплет в глазах.

– Нет.

– Из-за этого или... – шепчет Уилл.

Элин понимает, что он хочет сказать: Айзек. Виновны оба – и Айзек, и паника. Они переплетены и связаны.

– Не знаю. – В горле встает комок. – Я все прокручиваю в голове... Ну, сам понимаешь, вдруг это приглашение, ни с того ни с сего. Может, зря мы приехали. Мне нужно было получше все обдумать или хотя бы поговорить с ним по душам, прежде чем позволить ему сделать бронь.

– Еще не поздно. Мы еще можем вернуться. Я скажу, что у меня проблемы на работе. – Уилл с улыбкой поправляет очки указательным пальцем. – Это будет рекордно короткий отпуск, но какая разница?

Элин выдавливает из себя ответную улыбку, тонкую истощенную линию по сравнению с прежней. С какой легкостью он смирился с переменами, с новой нормой.

Теперь она полная противоположность той Элин, какой была, когда они познакомились. Тогда она была на подъеме, как понимает сейчас. То была кульминация ее тридцати с хвостиком лет.

Она только что купила первую квартиру неподалеку от пляжа, на верхнем этаже старого викторианского особняка. Маленькую, но с высокими потолками и крохотным квадратиком с видом на море.

С работой все ладилось – ее повысили до сержанта и дали крупное дело, очень важное, а мать поправлялась после первого курса химиотерапии. Элин считала, что постепенно справляется с горем по Сэму, но теперь...

Теперь ее жизнь бьется в конвульсиях. Элин не узнала бы себя сегодняшнюю.

Двери закрываются, толстые стеклянные панели сдвигаются. С резким толчком фуникулер трогается и набирает скорость, удаляясь от станции.

Элин закрывает глаза, но становится только хуже. Каждый звук, каждый толчок многократно усиливается под закрытыми веками.

Она открывает глаза и видит мелькающий в окне пейзаж – расплывающиеся полосы заснеженных виноградников, дома, магазины.

Голова плывет.

– Я хочу выйти.

– Что? – поворачивается Уилл. Он старается подавить в голосе раздражение, но Элин все равно его слышит.

– Мне нужно выйти.

Фуникулер въезжает в туннель и погружается в темноту. Какая-то женщина взвизгивает.

Элин медленно и осторожно вдыхает, словно предвкушая грядущую катастрофу. Кровь словно отказывается двигаться по телу, но в то же время приливает к коже.

Еще несколько вдохов. Медленно, как она научилась.

Вдох на счет четыре, задержать воздух, а затем выдохнуть на семь.

Но этого мало. Горло сжимается. Дыхание становится поверхностным и быстрым. Легкие сражаются, отчаянно пытаются втянуть в себя кислород.

– Твой ингалятор, – напоминает Уилл. – Где он?

Элин шарит в кармане и вынимает его, нажимает на кнопку. Уже лучше. Она нажимает еще раз и чувствует, как поток газа ударяет по нёбу и достигает гортани.

Через несколько минут дыхание восстанавливается.

Но как только в голове проясняется, они тут как тут, стоят перед мысленным взором.

Ее братья. Айзек. И Сэм.

Образы сменяют друг друга бесконечным потоком.

Милые детские лица, щеки в брызгах веснушек. Одинаковые широко посаженные голубые глаза, только у Айзека взгляд холодный и пронзительный, а у Сэма искрится кипучей энергией, которая всегда притягивала к нему людей.

Элин моргает, но не может избавиться от мысли о том, когда в последний раз видела эти глаза – пустые, безжизненные, погасшие.

Она отворачивается к окну, но не может прогнать образы прошлого: улыбающийся Айзек, такой знакомой ухмылкой. Он поднимает ладони, но пять растопыренных пальцев в крови.

Элин вытягивает руку, но не может до него дотянуться. У

нее никогда это не получалось.

На маленькой парковке у верхней станции фуникулера ожидает темно-серый глянцевый микроавтобус из отеля. Тонированные дымчатые окна заляпаны снегом.

В нижнем левом углу на двери надпись аккуратными серебристыми буквами: «*вершина*». Именно так, со строчной буквы, тонким угловатым шрифтом, воплощение элегантности.

Элин разрешает себе ощутить легкую дрожь радости. До сих пор она с презрением отзывалась об отеле в разговорах с друзьями:

«Выпендрей».

«Больше формы, чем содержания».

По правде говоря, она аккуратно отлепила записку Айзека от рекламного буклета и с удовольствием погладила пальцами толстый матовый картон, впитывая новизну каждой минималистичной страницы.

Она ощутила странную и незнакомую смесь восторга и зависти, как будто что-то упустила, что-то, не поддающееся определению, какое-то желание, в котором она даже не отдавала себе отчет.

Уилл же, напротив, откровенно радовался и нахваливал архитектуру и дизайн. Он пролистал буклет и тут же отправился искать больше подробностей в интернете.

В тот же вечер за ягненком по-мадрасски он расписывал детали интерьера: «под влиянием Жозефа Дирана»... «новый минималистичный стиль, отражающий историю здания»... «создающий особенную атмосферу».

Элин всегда поражала способность Уилла поглощать такого рода замысловатые подробности и факты. И от этого она почему-то чувствовала себя под защитой, как будто он знает все ответы.

– Мисс Уорнер?.. Мистер Райли?

Элин поворачивается. В их сторону идет высокий жилистый мужчина. На нем серая флисовая толстовка с теми же серебристыми буквами: *веришина*.

– Это мы, – улыбается Уилл.

Возникает неловкая заминка – мужчина протягивает руку к чемодану Элин одновременно с Уиллом, а потом Уилл отдергивает руку.

– Доехали удачно? – спрашивает водитель. – Откуда вы? Чемоданы он разместил сзади.

Элин смотрит на Уилла, приглашая его заполнять паузы. Ей слишком тяжело дается подобная вежливая болтовня.

– С юга Девона. Рейс прибыл вовремя... даже удивительно. Я еще сказал Элин, что швейцарцы даже easyJet¹ могут заставить соблюдать расписание, – Уилл улыбается, подняв брови, но его темные глаза печальны. – Черт, звучит как клише, да?

¹ Бюджетная авиакомпания.

Водитель смеется. Уилл всегда так ведет себя с незнакомцами – нейтрализует их, смешивая радостный энтузиазм с самоуничижением. Это обезоруживает, а в дальнейшем и очаровывает. Уилл умеет делать такие ситуации... непринужденными. Но кстати, задумывается Элин, сидя за его спиной, а не это ли привлекло ее в Уилле в самый первый раз?

Непринужденность.

Для него нет ничего непреодолимого. И в этом нет бравады, просто именно так работает его мозг – быстро разбивает задачу на логические узлы, с которыми можно справиться. Составить список, собрать информацию, сделать пару звонков – и ответ найден, проблема решена. А Элин бьется даже над простыми, будничными задачами, пока они не разбухают до немыслимых размеров.

Взять эту поездку: Элин дергалась весь полет – от слишком тесного соседства с другими людьми в аэропорту и в салоне до возможной турбулентности и задержки рейса...

Даже сборы в дорогу действуют ей на нервы. И не только из-за того, что нужно купить новые вещи, но и потому, что приходится решать – что купить, какая погода там будет, какие бренды лучше выбрать.

И в итоге весь ее гардероб только что из магазина, и это заметно. Засовывая палец в брюки, Элин тербит ярлык, который постоянно натирает, а ведь она собиралась отрезать его еще дома.

Уилл же просто побросал вещи в сумку. У него это заняло меньше пятнадцати минут, но он все равно умудряется соответствовать обстановке: потрепанные горные ботинки, черная пуховая куртка Patagonia, штаны North Face идеальной степени поношенности.

Они такие разные, но каким-то образом дополняют друг друга. Уилл принимает ее со всеми фобиями, а Элин прекрасно осознает, что не все были бы на это способны. И благодарна ему за это.

Легким и широким жестом водитель открывает раздвижную дверь.

Элин забирается внутрь, косясь на задние сиденья.

Там уже сидит семейство из фуникулера: парочка девочек-подростков с крашеными волосами что-то рассматривает на планшете. Мать держит в руках журнал. Отец водит пальцем по экрану телефона.

Элин и Уилл садятся в середине салона.

– Тебе лучше? – мягко спрашивает Уилл.

Еще бы. Чистые кожаные сиденья, никаких громких и резких голосов. А самое замечательное – нет прижимающихся к ней влажных тел.

Автобус тихо трогается. Поворачивает направо и подпрыгивает на колдобине, а потом выезжает с парковки.

Они медленно подкатывают к концу дороги, к развилке. Водитель сворачивает направо, дворники медленно смахивают с ветрового стекла падающий снег.

До первого поворота все идет прекрасно. Одним быстрым движением автобус разворачивается ровно в противоположном направлении.

И когда он рывком выпрямляется, Элин каменеет.

По обочинам дороги больше нет сугробов или деревьев, нет даже полосы травянистой обочины. Шоссе жметя к самому краю горы, и лишь тонкий металлический барьер отделяет их от головокружительного падения в долину.

Элин чувствует, как напрягается сидящий рядом Уилл, и понимает, как он сейчас поступит – попытается скрыть свою тревогу с помощью юмора. Он и впрямь присвистывает сквозь зубы:

– Да ни хрена ж себе, я бы не рискнул ехать здесь ночью.

– Другой дороги все равно нет, иным путем до отеля не добраться, – сообщает водитель, поглядывая на них в зеркало заднего вида. – Некоторых это удерживает от посещения.

– Серьезно?

Уилл кладет руку ей на колено, крепко сжимает и снова натужно смеется.

Водитель кивает.

– Об этом пишут на форумах в интернете. Подростки выкладывают видео на YouTube, как они едут по серпантину и визжат на каждом повороте. Снимают так, что выглядит еще страшнее. Они высовывают телефон в окно и показывают обрыв... – Он умолкает и всматривается в дорогу впереди. – Это худший отрезок. Как только мы его минуем...

Элин поднимает голову, и сердце у нее уходит в пятки. Дорога сужается, и теперь микроавтобус едва помещается на ней. Серебристо-серый, плохо освещенный асфальт местами поблескивает льдом. Элин заставляет себя смотреть вперед, в сторону горизонта, где высятся зазубренные, покрытые снегом вершины.

Все заканчивается всего за несколько минут. Дорога расширяется, и хватка Уилла на ее ноге ослабевает. Он возится с телефоном и фотографирует виды из окна, сосредоточенно нахмурившись.

Элин улыбается, тронутая его основательностью. Он так ждал этого момента – горных видов, первого появления отеля. Элин не сомневается, что позже он будет любоваться этими фотографиями на своем ноутбуке. Критиковать их. Снова и снова корректировать. Делиться ими с друзьями-художниками.

– Давно вы работаете в отеле? – спрашивает водителя Уилл, снова поворачиваясь к ним.

– Всего около года.

– Вам нравится?

– В этом здании и его истории есть нечто такое, что западает в самую душу.

– Я читала об этом в интернете, – шепчет Элин. – Даже не верится, что столько пациентов...

– Я предпочитаю об этом не думать, – обрывает ее водитель. – Копаясь в прошлом, тем более в прошлом этого ме-

ста, можно свихнуться. Если начнете вдаваться в подробности того, что было...

Он пожимает плечами.

Элин достает бутылку с водой. В голове эхом отдаются его слова: западает в самую душу.

Уже запал, думает она, вспоминая буклет и фотографии из интернета.

«Вершина».

Осталось всего несколько километров.

Сунув мобильный в карман, Адель Бург заталкивает пылесос в триста первый номер.

Хотя он не называется триста первым. Для этого «Вершина» слишком... самокритична.

Владельцы отказались почти от всех альпийских клише: никакого искусственного меха в духе швейцарских шале, никакого «традиционного» меню. Даже от номеров на дверях избавились!

Вместо этого номер, как и остальные, назван в честь пика горной гряды, на которую выходят окна.

«Белла Тола».

Адель как раз смотрит на гору через широкое окно. Зазубренная вершина пронзает небо. Запоминающийся вид. Одно из ее последних восхождений, прежде чем Адель забеременела Габриэлем. В августе 2015 года.

Она помнит все: солнце, безоблачное небо. Солнцезащитные очки в яркой оправе. Как врезалось в бедра альпинистское снаряжение. Прохладный серый камень под пальцами. И высоко над головой – загорелые ноги Эстель, согнутые в немыслимой позиции.

Ее сын Габриэль, теперь уже трехлетний, родился в следующем июне в результате краткого романа со Стефаном, однокурсником и любителем гор, на выходных в Шамони. То-

гда все и закончилось – альпинизм, туризм, учеба в школе бизнеса, веселые попойки с друзьями.

Адель безмерно любит сына, но иногда пытается вспомнить, кем была прежде. Мир ее прошлого ныне разобран на детали и собран заново, став чем-то совершенно иным.

Ответственность. Тревоги. Последние напоминания об оплате, копящиеся в стопке на столе. Нынешняя работа, ежедневная рутина: сменить простыни, протереть поверхности, засосать пылесосом мусор чужой жизни.

Адель тяжело вздыхает и нагибается, чтобы воткнуть пылесос в розетку. Выпрямившись, она оглядывается. Много времени это не займет, решает она, оценивая ущерб.

Адель нравится эта часть работы, когда она рассчитывает необходимое время и усилия. Это искусство – часть процесса, необходимая, чтобы занять мозг.

Взгляд скользит по минималистичной обстановке: кровать, низкие кресла, абстрактные завитки картины на стене слева, шерстяной плед приглушенных тонов.

Не так уж плохо.

Эти люди были аккуратны. И осторожны. Кровать едва смята, уложенные в ногах пледы нетронуты.

Единственный бросающийся в глаза беспорядок – полупустые чашки на ночных столиках и черная куртка на кресле в углу. Адель изучает вышитую эмблему на рукаве. Moncler. Стоит не меньше трех тысяч франков.

Адель всегда считала, что подобная небрежность – вот

так забыть куртку на кресле – приходит с богатством. И с комнатами так же. Большинство постояльцев как будто и не замечают утонченных деталей, которые создают роскошный интерьер: безупречную мебель, мрамор в ванных комнатах, стеганные ковры ручной работы.

Ей всегда приходится иметь дело с результатом чьей-то беспечности – пятнами на простынях, прилипшей к ковру едой. Адель вспоминает сморщенный и скользкий презерватив, который выудила из унитаза на прошлой неделе.

Мысль об этом царапает и саднит. Адель отбрасывает ее и сует в уши наушники. Во время работы она всегда слушает музыку и синхронизирует задачу с ритмом.

Ее любимый стиль – олдскульный рок, хеви-метал. Guns N'Roses, Slash, Metallica.

Она уже готова включить музыку, но останавливается, замечая перемену за окном – небо потемнело, стало однородного и грозного свинцово-серого цвета, что обычно предшествует сильному снегопаду. Снег уже идет, собираясь в сугробики на вывеске отеля и на припаркованных перед ним машинах.

В грудь впиваются крохотные иголки беспокойства. Если снегопад усилится, будет трудно добраться домой. В другой вечер это не имело бы значения – в детском саду гибкое расписание, – но сегодня Габриэля на неделю забирает отец.

Адель нужно быть дома, чтобы попрощаться, хотя слова прощания всегда застревают в горле под бесстрастным

взглядом Стефана, который уже держит за руку Габриэля.

Каждый раз, когда Габриэль уезжает, ее охватывает темный, иррациональный страх, что он может не вернуться или не захочет возвращаться, что он выберет Стефана.

Адель видит свой страх в отражении на стекле. Ее темные волосы забраны на затылке в высокий хвост, открывая узкое лицо и прищуренные в тревоге миндалевидные глаза. Она отворачивается. Смотреть на себя такую, с мрачными, искаженными чертами, – все равно что заглядывать в самые темные уголки души.

Она снова смотрит на телефон и уже готова нажать на плей, как вдруг уголком глаза замечает что-то на балконе.

Что-то блестит в снегу.

Адель заинтригована и открывает дверь.

В комнату врывается ледяной воздух и крохотные снежинки метели. Адель выходит на балкон и подбирает находку.

Браслет.

Покрутив его в ладони, она видит, что он медный, похож на те, которые носят от артрита. Внутри выгравированы крохотные цифры.

Наверное, браслет принадлежит кому-то из постояльцев. Адель решает положить его на ночной столик, чтобы они увидели его, когда войдут.

Адель возвращается в комнату и закрывает за собой дверь. Кладет браслет на ближайший ночной столик и снова

бросает взгляд на метель, вихри которой кружатся на балконе.

Если она опоздает, Стефан может ее и не дожждаться. А если она вернется в пустоту молчаливой квартиры, это будет грызть ее, пока Габриэль не вернется домой.

– Элин, ты собираешься выходить из...

Последнее слово Уилла заглушает хлопающий на ветру флаг.

С неба валят здоровенные хлопья снега, падая на лицо. У Элин сосет под ложечкой. Несмотря на присутствие Уилла и стоящий прямо перед ней отель, она остро ощущает свое одиночество в этой глуши. Дорога из города заняла больше полутора часов. С каждым движением минутной стрелки серпантин уводил их все выше в горы, и Элин не могла избавиться от нарастающего беспокойства.

Поездка заняла больше времени из-за снегопада, но Элин все равно остро осознает тот факт, что они далеки от цивилизации. Помимо отеля, она видит только массивный лес, снег и темную громаду вздымающихся гор.

– Элин? Ты идешь?

Уилл уже идет к отелю, тащит чемоданы по снегу.

Она кивает и крепко стискивает ремешок сумки. Стоя здесь, перед отелем, она ощущает странные колебания воздуха, не имеющие отношения к снегопаду.

Элин озирается. Дорога и парковка пусты.

Никого.

Все пассажиры фуникулера уже зашли внутрь.

Все дело в отеле, решает она, поглощая взглядом массив-

ное белое здание. И чем дольше она смотрит, тем сильнее ощущает напряжение.

Какую-то аномалию.

Она не замечала этого в присланном Айзеком буклете. Но те фотографии делали с большого расстояния, догадывается она, чтобы подчеркнуть впечатляющий фоновый пейзаж: заснеженные пики и лес из белых, заиндевевших елей.

Фотографии не подчеркивали, насколько сурово выглядит здание. А сомневаться в его прошлом не приходится. В самой архитектуре есть что-то brutальное и больничное, дух закрытого учреждения живет в строгих линиях, резких прямоугольных плоскостях и фасадах, в модернистских плоских крышах. И повсюду стекло – вызывающие головокружение стеклянные стены, позволяющие смотреть сквозь них.

И все-таки есть какой-то диссонанс с этим больничным видом, думает Элин, заходя в дверь, незаметные на фотографии в буклете детали: резные балюстрады и балконы, прекрасная длинная веранда на первом этаже.

Это и есть та аномалия, напряжение, которое она ощутила. Это наложение... ужасает. Больничное учреждение, раскалывающее изящество.

И наверное, это сделано намеренно, понимает она. Здание спроектировали таким образом, пытаясь скрыть, что когда-то сюда приезжали не ради забавы.

Здесь люди сражались с болезнью, здесь они умирали.

И теперь ей становится понятно, почему брат решил от-

праздновать помолвку именно здесь.

Это место, как и Айзек, показывает миру только фасад.

И прячет все, что на самом деле скрывается за ним.

– Тьфу ты! – бормочет Адель, дергая ключ в замке.

Почему он не поворачивается? Вот всегда так, когда спешишь...

Дверь раздевалки распахивается, и врывается холод.

Адель вздрагивает и роняет ключи.

– Все хорошо?

Она с облегчением расслабляется, узнав голос: это Мэт, белобрысый швед, один из многих сотрудников-иностранцев. Он работает в баре. Слишком самоуверен. Светло-зеленые глаза первым делом тебя раздевают, а потом смотрят сквозь тебя.

– Все прекрасно. – Адель поднимает связку ключей. – Просто тороплюсь, только и всего. Эту неделю Габриэль проводит с отцом. Стефан должен увезти его сегодня вечером. Хочу успеть домой, чтобы попрощаться.

Она наконец-то открывает шкафчик и вытаскивает сумку и пальто.

– Только что объявили, что фуникулер прекратил работать. – Мэт вставляет ключ в свой шкафчик. – И до утра не запустят.

Адель смотрит в окно. Там бушует метель, завывает ветер, стуча в стену отеля.

– А автобусы?

– Еще ходят, но наверняка там толкучка.

Он прав. Прикусив губу, Адель смотрит на часы. Она должна быть в долине через час. И если поторопится, может успеть.

Попрощавшись, Адель выходит через боковую дверь. На улице останавливается, поеживаясь, оглушенная силой ветра. Он швыряет ледяную дробь ей в лицо и в глаза. Щеки уже горят от холода.

Адель натягивает шарф на нос и идет по тропе, ведущей к главному входу.

С каждым шагом ноги утопают в снегу. Холод проникает сквозь тонкие кожаные сапоги. Вот ведь идиотка! Надо было надевать нормальные зимние сапоги. А теперь ноги промокнули, не пройдет и пары минут.

Она идет дальше, стараясь избегать самых больших снежных наносов. Но останавливается, когда в кармане вибрирует телефон. Адель вытаскивает его и видит сообщение от Стефана: «Вышел с работы. До встречи».

С работы.

Это слово вызывает знакомое отвращение. Адель ненавидит себя за это.

Она знает, что не стоит размышлять о том, как все могло бы быть – продвижение по карьерной лестнице, неплохая зарплата, путешествия, – но не может выкинуть эти мысли из головы.

Как бы она ни пыталась найти причины и оправдания, со-

вершенно очевидно, что на жертвы пришлось пойти ей, а не Стефану. Он-то не попрощался со всеми своими планами и колледжем, когда родился Габриэль. Он получил диплом с отличием и тут же нашел работу в мультинациональной компании в Вебе, занимающейся маркетингом. Стефана ценят, дела у него идут отлично. А заработок еще лучше.

Его подружка работает в той же компании и получает столь же впечатляющую зарплату, насколько может судить Адель. Лиза – неписаная красавица, но работа ее очевидно дорогого косметолога и врожденная уверенность говорят сами за себя.

Адель могла бы справиться с мелочной и глупой завистью, но ее тревожит возможное влияние всего этого на Габриэля. Адель знает, что вскоре Габриэль начнет замечать разницу в том, кем работают родители.

В глубине души она боится, что он станет ее презирать, решит, что она и то, что она может дать ему, второсортно по сравнению с тем, чем может обеспечить Стефан.

Адель знает, что глупо думать об этом, забегая вперед, ведь пока все, что любит Габриэль, не связано с деньгами. Обнимашки и книжки на ночь. Горячий шоколад со взбитыми сливками. Совместные игры в песочнице. Катание на санках.

Она мысленно улыбается, вспоминая поездку на прошлой неделе. Как они втиснулись на санки вдвоем и набрали такую скорость, что потеряли управление и врезались в забор

у подножия холма. Габриэль оказался верхом на ней, истерично хохоча.

Воспоминания тут же отбрасывают тревоги в далекое будущее. «Соберись, – говорит она себе, делая шаг в сторону, чтобы обойти упавшую ветку. – Хватит думать о плохом».

И тут она чувствует что-то на своей лодыжке. Какую-то тяжесть.

Она за что-то зацепилась? За очередную ветку?

Опустив взгляд, она цепенеет. Лодыжку держит рука в перчатке. И резко дергает ногу Адель назад. Адель падает ничком в мягкий, воздушный снег.

Крохотные снежинки забиваются в рот и глаза.

Свисающая с потолка белая люстра напоминает Элин веревку висельника.

Провода такие длинные, что тянутся на несколько метров, провисают в середине и тянутся дальше. Сама люстра не более чем кошмарное сплетение проводов в замысловатой петле. Несомненно, чудовищно дорогая, с художественным посланием, которое Элин не в состоянии постичь, но, как бы то ни было, странно видеть такую люстру в лобби отеля.

Нечто настолько зловещее в месте, которое обязано излучать гостеприимство.

Остальное не лучше – кожаные кресла, расставленные вокруг узкого деревянного стола, и большой кусок серого камня в качестве стойки администратора. Даже картина над камином какая-то мрачная: на полотне сердито темнеют завитки серой и черной краски.

– И как тебе? – Элин толкает Уилла в бок. – Мечта архитектора?

Она уже представляет, что он скажет позже: дизайн, который раздвигает границы, эмоциональный, всеобъемлющий.

Элин воспринимает подобные слова, не вдаваясь в их смысл, для нее они создают своего рода поэзию. Когда Уилл говорит об архитектуре, восхищается кирпичом и штукатуркой, он открывает так много своих мыслей и чувств.

– Обожаю такое. Подобные здания оказали огромное влияние на архитектуру двадцатого века. Стиль, который люди ассоциируют с модернизмом, впервые появился именно в санаториях, – Уилл замолкает, заметив выражение ее лица. – Тебе здесь не нравится, да?

– Даже не знаю. Как по мне, выглядит слишком холодно. Прямо как в больнице. Такое огромное пространство, и почти пустое. Всего несколько кресел да столов.

– Так и задумано. – Элин слышит легкое напряжение в его словах – он раздражен тем, что она не поняла. – Белые стены, дерево, натуральные материалы. Реверанс первоначальному дизайну санатория.

– Чтобы выглядело стерильно?

Элин кажется странным, что кто-то мог намеренно спроектировать совершенно лишенное тепла и комфорта помещение.

– Так делали в целях гигиены, но также считалось, что белизна приносит «внутреннюю чистоту», – Уилл показывает пальцами кавычки. – В то время архитекторы экспериментировали, хотели понять, как дизайн влияет на людей. Здание вроде этого само по себе использовалось как медицинский инструмент, каждая деталь создавалась, чтобы помочь пациентам выздороветь.

– А что насчет всего этого стекла? Не уверена, что оно бы мне помогло.

Элин смотрит через огромное окно на яростную метель,

проносящиеся мимо снежные вихри. Почти ничего не отделяет ее от внешнего мира. Несмотря на исходящее от камина тепло, она ежится.

Уилл следует за ее взглядом.

– Считалось, что естественный свет и вид на пейзаж тоже исцеляют.

– Может быть.

Элин смотрит ему за спину, и взгляд останавливается на маленьком стеклянном ящике, свисающем с потолка на тонкой металлической проволоке.

Подойдя ближе, Элин видит внутри серебристый флакон. Ниже надпись на французском и английском:

Crachior. Spitton. Плевательница. Широко использовалась пациентами, чтобы уменьшить распространение инфекции.

Элин поворачивается к Уиллу.

– Скажешь, это не странно? Вот так повесить эту штуковину здесь в качестве художественной инсталляции?

– Да все здание – одна большая инсталляция. – Уилл качается ее руки, и его тон смягчается. – Дело же не в этом, да? Ты просто нервничаешь, верно? Из-за того, что снова его увидишь.

Элин кивает и прижимается к нему, вдыхая знакомый, успокаивающий аромат его одеколона – базилик и тимьян с легким дымком.

– Прошло почти четыре года, Уилл. Все меняется, правда?

Я понятия не имею, какой он.

– Понимаю. – Уилл крепко ее обнимает. – Но не терзайся этими мыслями. Ты приехала сюда и начнешь все сначала. Не только с Айзеком, но и с делом Хейлера. Пришло время подвести черту.

Уиллу легко так говорить, думает Элин. Он архитектор, каждый день начинает с чистого листа. Всегда создает что-то новое.

Именно это потрясло ее в их первую встречу. Каким... свежим он выглядел. Непресыщенным. Элин вряд ли когда-либо встречала такого человека – оптимистичного, воспринимающего жизнь с восторгом. Радующегося каждой мелочи.

В тот день, когда они познакомились, она вышла на пробежку. Закончила смену, которую провела главным образом за столом, разбираясь с бумагами, и решила пробежаться по берегу, от своей квартиры в Торуне до Бриксхема. Легкая пробежка в десять километров туда и обратно.

Остановившись на набережной у пляжа, чтобы сделать растяжку, она заметила у стены Уилла. Вокруг него в соленом безветрии висели клубы дыма.

Он готовил барбекю – рыбу, перцы и курицу, пахнущую кумином и кориандром.

Элин тут же почувствовала его взгляд. И буквально через минуту он обратился к ней с какой-то шуткой. Какой-то банальностью. «Похоже, мне полегче, чем вам». Элин засмея-

лась, и они разговорились.

Ее тут же потянуло к Уиллу. В его внешности было что-то необычное, что одновременно пугало и будоражило.

Неряшливые светло-русые волосы, строгие очки в черной оправе, синяя рубашка с геометрическим узором и коротким рукавом, застегнутая до самой шеи.

Не ее тип.

Но все встало на свои места, когда Уилл рассказал, что он архитектор. С горящим взглядом он поведал подробности – он занимается дизайном, в особенности зданиями смешанного назначения, обновляет набережные.

Он показал новый комплекс ресторанов и квартир вдоль набережной – не здание, а сверкающий белый круизный лайнер, вставший на якорь. Элин знала, что это творение завоевало награды, была торжественная церемония открытия. Уилл рассказал, что любит арахисовое масло и музеи, серфинг и кока-колу. Элин тут же поразило, с какой легкостью он все это говорит. Никакой обычной неловкости между незнакомцами.

Как поняла Элин, это потому, что он в ладу с самим собой. С ним ей не приходилось гадать – он был как открытая книга, и Элин тоже ему открылась, чего не делала уже давным-давно.

Они обменялись телефонами, и Уилл позвонил в тот же вечер, а потом и на следующий день. Никаких страхов. Никаких игр. Он задавал вопросы, сложные вопросы о полиции

и опыте Элин.

Вскоре у Элин возникло чувство, что он видит ее не такой, какой она видит себя. Эффект был головокружительным: Элин захотелось стать именно такой, какой ее видел Уилл.

С ним она открыла много нового. Ходила в галереи, музеи, подпольные винные бары у пристани Эксетера. Они говорили об искусстве, музыке, идеях. Покупали толстые книги с красивыми обложками и действительно их читали. Выбирались на выходные куда-нибудь в глушь.

Она не привыкла к такому. До этого момента ее жизнь была откровенно бескультурной: телевизор субботними вечерами, дешевые журналы. Жаркое. Паб.

Но ей следовало знать, что это долго не продлится, что в конце концов настоящая Элин выйдет наружу. Одиночка. Интроверт. Та, которой проще убежать, чем протянуть руку.

И в какой-то мере ее злило, насколько новый образ держался на соплях, все те несколько месяцев, пока у них получалось. Если бы Элин знала, что все висит на волоске, настолько близко к краху, то держалась бы за Уилла крепче.

Всего за несколько недель все изменилось и разом закрутилось в водовороте. Матери перестали помогать лекарства. У Элин появился новый босс и сложное дело.

Не выдержав давления, она, как обычно, закрылась, отказалась рассказывать о своих чувствах. И тут же ощутила едва заметную перемену в их отношениях. Теперь Уиллу не хва-

тало ее общества, и он не понимал, в чем дело.

И тут же перестали работать границы, которые Элин установила в их отношениях, а он поначалу с радостью принял – ее личное пространство, независимость и нежелание присоединяться к нему иногда по вечерам.

Элин чувствовала, что Уилл исподволь ее проверяет, как ребенок теребит шатающийся зуб: то работа допоздна, то отпуск с друзьями. Больше ночей в разных квартирах. Чувствовала, что он недополучает то, что привык от нее получать, и ищет этому замену. Обязательства. Уверенность. Уилл хотел, чтобы их жизнь стала общей.

Нарыв вскрылся полгода назад. В их любимом тайском ресторанчике Уилл спросил, не хочет ли она съехаться, найти квартиру для них двоих.

Учитывая, что они встречались уже больше двух лет, звучало вполне разумно. Но Элин нашла какие-то отговорки, хотя и знала, что его терпение не безгранично. Ей нужно принять решение. Время на исходе.

– Элин...

Она поворачивается и охает.

Айзек.

Он здесь.

Адель в страхе пытается встать на колени.

Хватка на лодыжках ослабевает. Адель слышит сопение и лихорадочный шепот, но никаких извинений, которые показали бы, что все это лишь случайность.

Нет. Кто-то затаился во мраке. Поджидал ее.

В голове роятся вопросы, но Адель отбрасывает их. Нужно вырваться. Убежать.

Адель с усилием встает и бросается бежать. Она не смеет оглянуться. Взгляд прочесывает чернильную тьму вокруг.

Думай, Адель, думай.

Возвращаться в отель не вариант. У двери придется выуживать карточку-ключ, это слишком долго. Ее догонят.

В лес.

Если она доберется до леса, до темного полога деревьев, то сможет оторваться. Адель бежит со всех ног вверх по пологому склону и слышит за спиной топот и дыхание.

У нее преимущество – она знает дорогу, гуляла здесь летом. Тропа лениво петляет по лесу, через бегущие вниз по склону ручьи, несущие в долину талые воды ледника.

От главной тропы ответвляются боковые. Летом они служат велодорожками.

Стараясь оторваться от преследователя, она сворачивает на одну из них.

Адель бежит по тропе, в крови бурлит адреналин, сапоги утопают в снегу. Через несколько минут в груди уже колет, дыхание становится быстрым и судорожным, но преследователь отстал. Она его больше не слышит.

Через двадцать метров она следует плану – сворачивает влево, огибая скопление елей, и ныряет в тень. Пот щекочет спину под пальто. Адель боится даже дышать.

А если он заметит следы на снегу, которые выведут прямо на нее? Адель может лишь надеяться, что их скроет снегопад, сугробы у камней и поваленных ветвей отвлекут внимание.

И в конце концов Адель слышит, как преследователь пробегаёт мимо, слышит топот чьих-то ног по снегу. Она разворачивается и мчится обратно по тропе, теперь по ответвлению справа. Оглядывается, пытаюсь понять, где преследователь, но видит только деревья и снег. Лес слишком густой.

Раздвигая ветви руками, Адель осторожно пробирается между деревьями. Ей холодно. И тут она замечает какое-то движение слева. И смотрит в ту сторону.

На нее накатывает волна облегчения – это всего лишь прыгающий по сугробу сурок. Он отряхивает шерсть от белых хлопьев, замирает, глядит на Адель и бросается в лес.

Но она замечает еще одно движение. Еще один звук.

На этот раз приглушенный кашель.

Проклятье! Ее обнаружили.

Мозг работает в лихорадочном темпе.

Хижина... которую отель использует как сарай. Она прямо внизу, параллельно дорожке. Если пройти еще несколько метров, там можно спрятаться. Хижина может быть заперта, но вдруг...

И снова раздается чье-то дыхание.

Спокойствие, твердит себе Адель. Ты уже близко.

Она пятится.

Тишина.

Медленно выдыхая, она решает, что пора двигаться.

И медленно идет вниз. Взгляд ищет хижину сквозь прогалины в ветвях, но ничего не находит. Только бесконечный лес и снег.

Адель беззвучно матерится. Наверное, она поднялась слишком высоко. Слишком далеко от главной дорожки. И это совершенно другая тропа...

Глаза щиплет от слез. Это все снег. Вот почему она ошиблась. Он скрыл все приметы: знакомые камни, пеньки, поляны. Нужно вернуться на главную дорожку. Туда, откуда она пришла.

Услышав треск сломанной ветки, Адель резко оборачивается.

Перед ней стоит фигура. Фигура без лица.

Адель шурится, и от слез зрение размыто. Наверное, ей привиделось, думает она, вытирая слезы. Вот в чем дело. Видимо, она просто прилегла на кровать в последнем номере и задремала...

Но когда зрение проясняется, Адель понимает, что это не сон, не галлюцинации в полудреме.

У человека нет лица, потому что на нем маска.

Сбоку она напоминает хирургическую: щеку пересекают тонкие завязки, стянутые на затылке, но впереди все гораздо сложнее. С холодком страха Адель понимает, что это больше похоже на противогаз – от носа ко рту идет толстая гофрированная трубка. Очень своеобразный противогаз... Огромный, полностью закрывающий лицо. Адель ничего не удастся под ним рассмотреть.

Человек идет вперед, к ней. У Адель подгибаются колени. Не сбежать. Она больше не может бежать.

Элин каменеет. Все это неправильно. Ей не следовало приезжать.

Айзек делает шаг вперед, явно колеблется, но потом все-таки заключает ее в объятия.

Элин потрясенно вздрагивает. Волосы Айзека касаются ее лица – длинные темные кудри до шеи. Он и пахнет иначе: табаком, незнакомым мылом.

Прикусив губу, Элин закрывает глаза. Слишком поздно. На нее обрушиваются воспоминания.

Сверкающее море с белыми бараашками. Прозрачная вода, сквозь которую видно водоросли, плещется о красные баке- ны. Пронзительно кричат чайки.

Айзек отстраняется и встречается с ней взглядом, в его глазах странная смесь эмоций.

Любовь? Страх? Невозможно сказать. Элин больше не может читать по его лицу, слишком много времени прошло. И от этой мысли у Элин ноет сердце – ведь он единственный оставшийся родственник, и все же такой чужой.

Он откашливается, трет пальцами уголки век у слезной железы. Такой знакомый жест, ведь у него экзема. Все детство были воспаления. Обострения провоцировались разными причинами: жарой, синтетической одеждой, стрессом.

– Мы увидели, как с фуникулера сходят пассажиры. Лора

была уверена, что вы на нем не приедете, но я решил проверить.

– В результате мы сели на более ранний поезд, – выдавливает слова Элин и смотрит куда-то в пространство. – А где Лора?

– Пошла к своему боссу, поговорить насчет вечеринки. Скоро будет.

Айзек поворачивается к Уиллу:

– Рад наконец-то встретиться.

Он энергично трясет Уиллу руку, а потом наклоняется, слегка приобнимая и трижды похлопывая Уилла по спине. Типично мужской жест, но в то же время грамотный ход. Легкое внедрение в личное пространство и проявление доминантного поведения.

Уилл, как всегда, улыбается с дружелюбным видом:

– Я тоже рад знакомству. И поздравляю. Отличная новость...

– Могу только повторить то же самое. Ты сделал невозможное, правда?

Уилл неловко мнется:

– Ты о чем?

– Об Элин.

Айзек кивает в ее сторону.

Повисает пауза. Уилл цепенеет, отводит назад плечи и выпячивает грудь, вздергивая подбородок. Обычно он ведет себя так, когда чувствует угрозу.

К его щекам приливает краска. Незнакомый цвет, потому что Уилл никогда не смущается, но Айзеку всегда удавалось ставить людей в неловкое положение. Выводить из себя.

– Ты заставил мою сестру остепениться, – разрывает тишину смех Айзека. – Я уж думал, этого никогда не случится. Она всегда была темной лошадкой.

Они смеются над банальной шуткой, но Элин понимает, чего он хочет добиться. Показывает, что по-прежнему ее знает, видит насквозь. Показывает ей, кто тут главный.

– Я могу сказать то же самое, разве не так? – говорит она, но сразу же сожалеет о своих словах. Ответ слишком запоздалый, громкий и язвительный, слишком очевиден в своей отсылке к прошлому и звучит невпопад.

Она отворачивается, шея горит.

– А вы когда приехали? – меняет тему Уилл.

– Несколько дней назад. Собирались покататься на лыжах, но подъемники закрылись, – Айзек показывает на метель за окном. – И вот так с тех пор, как мы приехали.

Покататься на лыжах. Элин помнит, что у него хорошо это получается. До выпуска из университета он провел год во Франции, а потом приезжал в отпуск. Учеба далась ему непросто – он работал, копил деньги и снова работал. Всем им пришлось тяжело – ни наследства, ни родительской помощи.

А он в отличной форме, думает Элин, оглядывая поджарую, жилистую фигуру и проступающие под рубашкой му-

скулы. Крепок и силен. Как и у нее, лицо Айзека стало худым и более резко очерченным, появились и новые морщины, но большие голубые глаза не изменились, все такие же пронзительные. И по-прежнему выглядит слегка помятым и растрепанным. Как вечный барабанщик инди-группы.

– А остальные когда приедут?

– Через пару дней. – Айзек переминается с ноги на ногу. – Мы решили, что будет лучше, если вы приедете первыми. На вечеринку до помолвки. Только для родни.

Он протягивает руку и слегка касается ожерелья Элин.

– Все еще его носишь?

Элин вздрагивает и машинально сжимает тонкую серебряную цепочку, отбрасывая руку брата.

– Так что вы думаете об этом отеле? – Айзек убирает руку и обводит рукой зал.

Элин каменеет. Ей знаком этот тон – Айзек хочет проверить ее реакцию. На подчеркнутый минимализм, на то, что раньше здесь был санаторий... Хочет, чтобы она почувствовала себя неуютно.

– Потрясающий. Уникальный.

Элин убирает волосы с лица и осознает, какие они короткие. Это новое ощущение – она постриглась после смерти матери.

– А ты, Уилл? На взгляд архитектора?

Оказавшись на знакомой почве, Уилл говорит все слова, которые ожидала услышать Элин, и даже больше – ясный,

продуманный дизайн, превосходная сдержанность. Пока он говорит, Элин наблюдает за Айзеком.

В чем-то он не изменился. Его внимание уже блуждает, взгляд незаметно перемещается на нее. Этот взгляд о многом говорит: что Уилл его утомил, и Айзек знает, что она в курсе, а Уилл – нет. Айзек – хозяин положения.

Через несколько минут Уилл поворачивается к ней.

– Элин, я спрашивал Айзека, как он сделал предложение.

– Да, – откликается она, – я...

Но завершить фразу ей не удастся.

– Весьма утилитарно... Я бы так это описала. Положил кольцо в мой лыжный ботинок.

Лора. Она стоит за спиной Айзека. Улыбающаяся, слегка покрасневшая. Она быстро обнимает Элин и тут же отходит, приветствуя Уилла.

По лицу Уилла Элин может сказать, что он оценил Лору по достоинству, хотя и старается этого не показывать. Элин ощущает укол ревности. Она видела фотографии Лоры, но они не воздавали ей должного – невеста брата из тех людей, которые вживую производят совсем другое впечатление. У нее резкие и яркие черты: темные глаза, идеально ровная челка над густыми, четкими бровями.

А она изменилась. Появились стать, самообладание, которого раньше не было. Элин помнит Лору более расслабленной, с безыскусным открытым лицом. А теперь она явно сдержанна.

И Элин никогда так не оделась бы, думает она, стараясь не пялиться на претенциозный наряд: серые джинсы с высокой посадкой и несколько жилетов, один на другом, а поверх всего – вязанный салатовый кардиган. На шее небрежно повязан серый шарф, запястья увешаны серебряными браслетами.

– Простите, что не сообщили раньше, – поводит плечами Лора. – Все решили в последнюю минуту.

Это явное преувеличение. Элин получила приглашение месяц назад – посылку с запиской на яркой бумаге, приклеенной к матовому минималистичному буклету:

«Мы празднуем помолвку. Здесь... – Стрелка указывает на буклет. – Вам нужно только заплатить за билеты – Лора работает в отеле. Дай знать, что ты решила. Мой телефон у тебя есть. Айзек».

Приглашение было полной неожиданностью. С тех пор как четыре года назад Айзек уехал в Швейцарию, они редко контактировали. Несколько имейлов, редкие телефонные звонки. О своей жизни он рассказывал фрагментарно – что познакомился с Лорой, читает лекции в Лозаннском университете – и все на этом. Месяцами о нем не было ни слуху ни духу.

Он не приехал даже на похороны матери под нелепым предлогом: якобы не может бросить работу. Несчастный случай со студентом. От горьких и сердитых воспоминаний у нее встает комок в горле, словно кусок жесткого мяса, которое невозможно проглотить.

Лора изучает ее с озадаченным выражением лица.

– Ты выглядишь... – она прерывается, подбирая слова. –
Насколько я помню...

И снова умолкает.

– Что такое? – ершисто откликается Элин. – Что ты помнишь?

Лора лениво улыбается:

– Да так, ничего. В конце концов, прошла целая вечность.

Уилл бросает на нее резкий взгляд. И Элин понимает почему – она не сказала ему, что знакома с Лорой. Что у них есть собственная история.

– Мы тут подумали, а не поужинать ли нам сегодня вместе? – говорит Айзек. – Если вы устали, можем отложить на завтра.

– Нет. Мы с удовольствием. Во сколько?

Элин краснеет, смущенная своим рвением.

– Часов в семь? – Он смотрит на Лору, и она кивает. – А до того устроим вам экскурсию. Я...

Он так и не заканчивает предложение. Раздается громкий удар и звон разбитого стекла. В зал врывается ледяной ветер. Приглушенный гул голосов обрывается.

Настает полная тишина.

Элин с колотящимся сердцем оборачивается. Боковое окно раскачивается на петлях. Пол усыпан осколками стекла, под белыми лилиями растекается лужа.

Элин понимает, что ничего страшного не случилось – про-

сто от ветра распахнулось окно и сшибло вазу, но пульс все равно скачет, по телу растекается адреналин. Элин сжимает кулаки, и ногти впиваются в ладонь.

Тут же появляется работник отеля и закрывает окно, отводит людей от осколков. Элин расслабляет руки и смотрит на них.

На ладонях остался отпечаток ногтей.

Идеальные полумесяцы.

Снаружи бушует буря. Ветер яростно швыряет в стекло снег. Но Лоре это не мешает. Она умело ведет их по отелю, устроив безупречную экскурсию. От ресторана к залам для отдыха, от библиотеки к бару.

И везде стекло, строгие белые стены, аскетичный дизайн. Лора останавливается в конце коридора и распахивает дверь.

– И наконец, спа-комплекс.

Комната администратора огромная, стена за стойкой отделана плитами серого мрамора с темными прожилками. С потолка над стойкой свисает очередная абстрактная инсталляция – сложный узел металлических проводов и крохотных лампочек.

Лора проводит пальцами по стене.

– Вся отделка из мраморной штукатурки. Она состоит из мраморной крошки и известковой шпаклевки. А результат похож на... замшу. Она меняется в течение дня в зависимости от освещения. Подобного эффекта пытались добиться и на стенах санатория – они матовые, чтобы уменьшить отражение и не раздражать пациентов, но все равно светлые.

Несмотря на обширность пространства и высокие потолки, здесь невыносимо жарко, густой воздух насыщен запахами мяты и эвкалипта. Взгляд Элин останавливается в углу.

Там к потолку подвешен еще один стеклянный ящик. Внутри его шлем с козырьком, сделанный как будто из стекла. Она подходит ближе и читает надпись внутри.

«Санаторный шлем. Переделанный шлем пожарного, использовавшийся для укрепления мышц шеи».

Айзек следит за ее взглядом.

– Часть «исторического контекста», – он показывает пальцами кавычки. – Такие есть во всех общественных пространствах. Артефакты из санатория.

Элин обескураженно кивает.

Лора шепчет что-то женщине за стойкой и поворачивается к ним.

– Марго, администратор спа-комплекса, позже покажет вам тут все подробнее, а я пока покажу бассейн. Это нечто особенное.

Она говорит громко, по-хозяйски. Как заместитель управляющего отелем, она привыкла командовать.

Элин представляет ее с постояльцами и персоналом. Как она отвечает на вопросы. Раздает указания. При взгляде на Лору ее охватывает замешательство: они и правда ровесницы? Лора кажется старше, взрослее, настоящим лидером. Хотя, может, она всегда такой была.

Элин вспоминает их первую встречу – восьмилетнюю Лору, маленькую и гибкую, с двумя густыми косичками за спиной. Лора с самого начала знала свою роль в мире: командир и планировщик; именно она придумывала игры и раздавала

роли. *Ты будешь русалкой. А я – пиратом.* Другие дети соглашались, им ужасно хотелось поучаствовать в игре.

Элин понимала почему – Лора обладала энергетикой, которой никогда не было у нее самой. Ну и плевать.

Лора была уверена в том, кто она. Всегда крепко стояла на ногах, и Элин завидовала этой твердости. Сама она была полной противоположностью – слишком волновалась по пустякам, слишком переживала. Не слишком ли тихо она себя ведет? Не слишком ли шумно? А может, она недостаточно интересна?

И все же эти различия никогда не вставали между ними. Обе дорожили своей дружбой, но в особенности Элин, потому что Лора была ее первой настоящей подругой. Первой девочкой, которая понимала ее и не пыталась изменить, не смеялась над ней из-за того, что она не похожа на других.

«И посмотри, чем же ты ей отплатила, – скрежещет голос в голове Элин. – Лора дружила с тобой, приняла тебя, и как ты поступила в ответ?»

Лора открывает большую дверь справа. Последовав за ней, Элин щурится, ослепленная заливающим комнату светом. Бассейн со всех сторон, с пола до потолка окружен стеклом, так что первым делом она замечает не воду, а бушующую снаружи метель и безбрежное стальное небо.

И по ту сторону стекла Элин различает деревянную террасу и несколько бассейнов под открытым небом. От первого, сразу за стеклом, закручиваются и дрожат в воздухе струйки

пара.

Уилл присвистывает сквозь зубы:

– Не ожидал.

– Они находятся на краю здания, чтобы расширить панорамный вид, – раскатывается эхом голос Лоры. – Все это стекло не случайно. При хорошей погоде со всех сторон можно увидеть панораму гор, и освещение естественное.

– Я рассказывал Элин о том, что в изначальной планировке был сделан акцент на освещение. – Уилл по-прежнему смотрит наружу. – Считалось, что это способствует выздоровлению, верно?

– Да, – поворачивается Лора. – В то время в лечении туберкулеза полагались в основном на природу. Свежий воздух, солнечный свет. Считалось, что ультрафиолет исцеляет, и пациентов размещали на балконах и террасах, даже зимой, чтобы они принимали солнечные ванны.

Элин пытается объять все это взглядом. Снег. Сверкающую воду. Вид вызывает головокружение. Она чувствует себя чудовищно уязвимой, словно ничто не отделяет их от вьюги снаружи. Она прикасается пальцами к вискам и отворачивается от стекла и снежных вихрей.

– Эл? Что с тобой? – спрашивает Уилл.

– Ничего. Просто голова немного закружилась.

– Наверное, от высоты, – говорит Лора. – Мы высоко, особенно для отеля. Чуть выше двух тысяч двухсот метров.

– Вряд ли дело в этом, – медленно произносит Айзек. –

Ты в детстве тоже так реагировала. Если мы ехали в какое-то новое место, ты чувствовала себя не в своей тарелке.

– Хватит, Айзек, – говорит Элин резче, чем намеревалась. – При чем тут это? И я ведь больше не ребенок, правда?

Он поднимает руки, будто признавая поражение:

– Ладно, я просто...

Он качает головой.

При взгляде на него в груди Элин стреляет иголками злость. Эта его братская забота... Все это – напускное, как заметно по мимолетной самодовольной улыбке.

В детстве он постоянно вел себя так же – поддевал ее в разговоре, оставлял беззащитной. Элин вспоминает, как рассказывала матери за ужином о своей новой подруге, и Айзек тут же вставлял что-нибудь уничижительное: «Это та новая девочка? Которая со странностями и вечно бродит одна?»

Уилл сжимает ей руку:

– Может, уйдем?

– Да.

Элин благодарна ему и теперь смотрит на сам бассейн. Он огромен для отеля, дно и стенки сделаны из того же серого мрамора. А крохотные прожилки сверкают, как языки пламени. В воде мерцающими миражами отражаются заснеженные деревья.

В бассейне плавает только одна женщина в черном купальнике, ее мускулистое тело подсвечено подводными фонарями. Руки и ноги ритмично входят в воду – она плывет

спортивным кролем.

– Это, случайно, не Сесиль? – хмурится Айзек.

Проследившая его взгляд, Лора каменеет.

– Сесиль? – заинтригованно повторяет Элин.

– Сесиль Карон. Она управляет отелем, – напряженно говорит Лора. – Сестра владельца. Каждый день плавает. Раньше она участвовала в местных чемпионатах.

– А она хороша, – говорит Элин, завороченная уверенным мастерством Сесиль.

– Тебе по-прежнему нравится плавание? – сменяет тему Лора.

Элин вспыхивает, и спину обдает жаром.

Ее захлестывают знакомые чувства: смущение, страх, бессилие.

И когда она разворачивается, до нее доходит: Айзек не рассказал Лоре, как все изменилось после смерти Сэма.

Ничего ей не рассказал.

Покинув бассейн, Элин чувствует себя лучше. Она выдыхает и прислоняется к стене. Тяжело дышит, как будто устала.

Да что с ней такое? Это же отпуск, возможность расслабиться. Но без работы мозг тут же становится одновременно слишком активным и слишком вялым.

«Но ведь ты сама так захотела», – думает она, и мысли скачут к имейлу недельной давности от Анны, старшего инспектора.

Говорила с Джо. Ты должна принять решение до конца месяца.

Две недели. Две недели, чтобы решить, хочет ли она уйти или вернуться.

Элин пока не ответила. И не знает, что ответить. Она помнит раздражение и разочарование в голосе старшего инспектора во время их последнего разговора.

«Ты слишком хороший детектив, чтобы позволить этому взять верх, Элин».

Детектив.

Даже одно это слово причиняет боль. Оно слишком много значит. Не просто надежды и мечты, а кровь, пот и тяжелые будни – экзамены, допросы, форма.

Теперь все это под вопросом.

Отбрасывая эти мысли, Элин следует за Лорой по коридору. Прямо перед ними двое мужчин поглощены разговором.

Лора замедляет шаг. Элин замечает, как Лора с Айзеком переглядываются.

– Кто это? – спрашивает Элин.

– Один из служащих и владелец отеля, Лукас Карон.

Лора смахивает с лица несуществующий волосок. Ее рука дрожит.

Она явно взволнована. Почему?

– Разве он не должен быть в отъезде? – бормочет Айзек.

Лора кивает:

– С Сесиль. Они не планировали возвращаться до следующей недели.

Уилл по-прежнему смотрит на одного из беседующих – бородатого.

– Так этот человек... Лукас Карон...

Элин понимает, что вызвало такой интерес Уилла. Лукас Карон и в самом деле привлекает внимание – он несомненно выглядит как человек, обладающий властью. Босс.

Он высокий и атлетически сложен, но внушительность ему придает не фигура, а поза с широко расставленными ногами и широкие размашистые жесты. Лишь влиятельные люди с деньгами и связями чувствуют себя вправе занимать так много пространства.

Его горные ботинки и простая удобная одежда – серая флисовая куртка, туристические штаны – еще одна строч-

ка на визитной карточке: я настолько влиятелен, что мне не нужно подчеркивать это одеждой.

– Ты слышал о нем? – откликается Айзек.

– В архитектурном мире ходят слухи... О разладе в его стиле и подходе... – Уилл колеблется. – Если нетрудно, было бы здорово с ним познакомиться.

– Уверен, что Лора может что-то придумать, но советую быть осторожным, – сообщает Айзек легкомысленным тоном. – Ему не везет с архитекторами.

– Айзек, – одергивает его Лора суровым взглядом.

– Ты про Даниэля Леметра? – быстро говорит Уилл.

Айзек поднимает брови:

– Ты про него знаешь?

Уилл улыбается:

– Архитектурный мир тесен. По-прежнему ничего не известно?

– Ничего, – отвечает Лора.

– А что случилось? – спрашивает Элин, не сводя взгляда с Лукаса Карона.

– Даниэль был главным архитектором отеля. Он пропал на финальной стадии проектирования. Однажды вечером просто не пришел домой. Вышел отсюда днем, и больше его не видели. Его машина осталась здесь, на парковке, но от него – ни следа. Исчез, – Айзек щелкает пальцами. – Ни отпечатков ног, ничего. Не нашли ни его портфель, ни телефон...

– В то время об этом сообщали во всех новостях, – гово-

рит Лора. – Сесиль и Лукас были близки с Даниэлем. Другу детства. Лукас был безутешен. Это на некоторое время задержало проект... Отель собирались открыть в 2017-м, но открыли только через год.

– И никто не знает, что случилось с Даниэлем? – спрашивает Уилл.

– Были разные теории. Говорили, что у него были проблемы с бизнесом, – пожимает плечами Айзек. – Вроде он слишком широко размахнулся, возникли финансовые затруднения...

– Люди считают, что он сбежал?

– Либо так, либо...

– Хватит, Айзек. Прекрати. Он услышит, – обрывает разговор Лора. – Думаю, что касается экскурсии, это все...

– Спасибо, я... – Элин останавливается, не сводя глаз с двери рядом с Лорой.

Она не имеет ничего общего с другими – на ней замысловатая резьба, изображающая ели и окружающие их горные пики.

– Что это?

Лора дергает шарф на шее.

– Когда-то была комната для консультаций. Сейчас закрыта для постояльцев.

– Там ничего нет?

– Не совсем. – Она снова тянется руками к шарфу, поправляет его и одергивает. – Там своего рода архив. Вся-

кие предметы из санатория. Сначала планировалось устроить выставку, чтобы постояльцы могли узнать про историю отеля.

– Но ее не доделали?

– Отложили. – Лора колеблется. Элин чувствует, что она мысленно что-то взвешивает. И наконец все-таки говорит: – Если тебе интересно, можешь взглянуть.

Айзек хмурится:

– Не сейчас, Лора. Они, наверное, хотят распаковать вещи.

– Конечно, – соглашается Лора. – В другой раз.

– Нет. Мне бы хотелось сейчас. Я люблю историю.

Это правда, но на самом деле Элин просто хочется услышать в собственном голосе вызов. Вот какой ее делает Айзек. Колючей забиякой.

Уилл напрягается.

– Элин, мы же только что приехали. Я бы предпочел пойти в номер, устроиться.

– Ну, тогда иди, с Айзеком. Мы ненадолго.

– Ладно, – резко говорит он. – Увидимся наверху.

В легком замешательстве Элин провожает их взглядом. И с чего ей вдруг пришло в голову ломиться в закрытую комнату?

– Слушай, а вообще не стоит беспокоиться, правда...

– Да мне нетрудно, – улыбается Лора. – Но предупреждаю, там страшная неразбериха. Просто свалили все, что нашли

в здании перед ремонтом...

Она вставляет ключ в замок и открывает дверь.

– А ты не шутила, – бормочет Элин.

Комната с пола до потолка загромождена медицинским оборудованием: здесь свалены дыхательные аппараты, пузырьки, инвалидное кресло устаревшей конструкции, странные стеклянные устройства. Все покрыто тонким слоем пыли.

И никакого подобия порядка. Какие-то предметы уложены в ящики, другие грудой валяются на полу. А между ними – всякий офисный хлам: картонные коробки и папки.

– Я предупреждала, – поднимает бровь Лора.

– Все не так уж плохо. Видала и хуже.

Например, в собственной квартире. Там постоянно царит беспорядок – картонные коробки с выпирающими боками, стопки книг. Одежда висит на хлипкой металлической рейке, которая постоянно обрушивается под избыточным весом. У Элин никогда не хватало сил или желания как-то изменить положение.

– Интересные штуковины, правда? – встречается с ее взглядом Лора. – Все это. То, каким это место было раньше.

В ее поведении что-то меняется – она становится менее напряженной, наполняется знакомой энергией, приобретает отблеск прежней Лоры.

Элин внезапно понимает, что дело не столько в беспорядке, сколько в самой комнате. Воздух здесь кажется густым

и затхлым. Насыщенным пылью. Элин рисует в воображении висящие в воздухе крохотные частички грязи. Переводит взгляд на полку справа и берет оттуда папку. На пол высыпаются листы бумаги.

– Я подберу.

Лора шагает к ней, но поскальзывается, ее нога подгибается.

Бросаясь вперед, Элин подхватывает Лору под руку.

– Чуть не грохнулась, – говорит Лора, восстанавливая равновесие.

– Ты цела?

– Благодаря скорости твоей реакции.

– Практика, – улыбается Элин. – В прошлом году мама постоянно падала. Она шутила, что перед ней нужно стелить спортивные маты, а не ковры.

Ее голос дрожит. Элин отворачивается, боясь, что в глазах выступят слезы. Неужели она всегда будет так горевать? До смущения болезненно?

Лора изучает ее.

– Ты за ней ухаживала?

– Да. Почти постоянно в последние несколько месяцев. В любом случае у меня был перерыв в работе, так что... – Она понимает, что пытается все преуменьшить, и поправляется: – Мне этого хотелось. У нас были сиделки, но маме нравилось, когда с ней я.

– Я не знала, – тихо произносит Лора.

Элин пожимает плечами:

– Я рада, что сама за ней ухаживала.

И это правда. Лучше объяснить все равно не получится. До этого она и не знала, что способна проявить такое терпение, такую самоотверженность. Но это удалось легко.

Рефлекс. Забота о матери. Воздаяние. И Элин на удивление нравилась рутинная работа. Ничего похожего на непредсказуемость службы в полиции, с постоянным чувством, что она оставила какое-то дело незавершенным.

– Мне кажется, это потрясающе. Заботиться о ком-то, – Лора колеблется, ее голос слегка дрожит. – Мне жаль, ты же знаешь. Твоя мама... она была чудесным человеком.

Элин растеряннo моргает. И вот опять: снова на миг появляется прежняя Лора, которая легко выплескивает эмоции, с готовностью отдавать, ничего не получая взамен.

Элин уже открывает рот, собираясь ответить, но слова застревают в горле. Их взгляды встречаются, и Элин отворачивается.

Она наклоняется и собирает в стопку рассыпавшиеся листки. А потом понимает, что это не бумага, а фотографии. Самая верхняя приковывает взгляд. Это женщины, сидящие рядом на веранде снаружи. Они худые и выглядят болезненно, глаза смотрят в камеру. Прямо на Элин.

Пациентки, понимает она, поеживаясь и ощущая, что прошлое отеля вторглось в настоящее, и внезапно осознавая, до чего тонкая грань отделяет ее от того, что было здесь

прежде.

Она тут же чувствует, как тисками сжимает горло. Она не может сделать новый вдох. Грудь наливается тяжестью, а легкие словно заполняются жидкостью.

Не паникуй. Все пройдет. Только не здесь. Не перед Лорой.

Лора пристально смотрит на нее.

– Что с тобой?

Элин шарит в кармане, сжимая ингалятор.

– Ничего страшного. – Она нажимает на кнопку и пускает в легкие газ. – Астма. В последний год усугубилась. И высота, похоже, плохо действует. Или здесь слишком много пыли.

Лора по-прежнему пристально на нее смотрит.

Это ложь. Никакая это не астма. И на высокогорье Элин уже бывала, но не помнит никаких похожих симптомов.

Все дело в этом месте. В этом здании.

Организм реагирует на нечто, живущее здесь, дышащее, вплетенное в саму ДНК этого отеля, ставшее частью его стен и пола.

– Похоже, они не придут.

Уилл ковыряет ложкой остатки лимонного мусса и смотрит на Элин.

Она делает вид, что не слышит, и кладет в рот кусок шоколадного пирожного. Оно рассыпчатое, с горьким шоколадом, но все равно разочаровывает – слишком плотное и приторно сладкое. Элин отодвигает тарелку.

– Элин?

Уилл пытается встретиться с ней взглядом.

Элин смотрит в стол. На керамических блюдах между ними оплывают две плоских свечи, мерцание огня подчеркивает структуру дерева. На столе – остатки трапезы: полупустые винные бокалы, скользкий от конденсата кувшин ледяной воды и обязательная хлебная корзина, от которой Уилл никогда не отказывается.

– Эл? Ты слушаешь?

– Мы же сказали – в половине восьмого.

– Да. – Уилл смотрит на часы. – А сейчас уже почти полдесятого. Вряд ли...

Элин берет телефон. Пропущенных звонков нет. И сообщений тоже.

Лора и Айзек просто не пришли. Борясь со злостью, она корит себя. Он не изменился. И никогда не изменится. Да и

с чего бы вдруг ему меняться?

Глаза щиплет от разочарования и стыда, и Элин отворачивается, делая вид, что рассматривает столовую. Народу в ней полно, почти все столики заняты, стоит гул разговоров. Вечером обстановка становится не такой строгой, ослепительно-белый цвет стен смягчается огнем в камине и свечами. Но стекло... Элин оно ненавистно. Ненавистно чувство уязвимости, которое оно вызывает.

Окна доминируют в дизайне даже вечером. Они тянутся вдоль всей стены, и помещение выглядит как открытая сцена, темнота снаружи сливается с бледными, мерцающими отражениями людей внутри.

Уилл берет Элин за руку и переплетает с ней пальцы.

– Ты расстроена, да? Ожидала чего-то... – он подыскивает нужное слово. – Чего-то другого?

Элин тянется к кувшину с водой и наливает чуть-чуть в свой бокал.

– Да, хотя и зря. Он всегда такой. Показывает свою власть. Получает какое-то извращенное удовольствие, зная, что я буду вне себя. Именно это ему нужно. Реакция.

– Я заметил еще одну реакцию, – легко слетает с языка Уилла. – Лора. Ты не говорила, что знакома с ней.

– Не думала, что это важно. – Элин смотрит на свечу, на дрожащее пламя. – Это было сто лет назад. Мы были детьми.

Уилл ждет продолжения.

– Наши матери были школьными подругами. Ее мама вы-

шла замуж за швейцарца, с которым познакомилась, когда преподавала английский в Японии. Когда родилась Лора, они переехали сюда. – Элин пожимает плечами. – Они редко приезжали. Я видела Лору раза три или четыре.

Она проигрывает в голове сцены из прошлого. С той минуты, когда ежегодно в августе приезжали Лора и ее мать Корали, Элин и Лора становились неразлучными. Часами купались, плавали на каяках, устраивали пикники в лесу у пляжа – с начиненными мягким сыром багетами и здоровенными кусками имбирного кекса.

Когда Лора уезжала домой, лето для Элин заканчивалось. Она часами сочиняла подруге письма и звонила ей каждую субботу.

Но Элин понимает, почему пытается преуменьшить значение их дружбы – воспоминания о Лоре тесно переплетаются с памятью о ней самой, какой она была до гибели Сэма, и Элин не может смириться с тем, в кого превратилась.

Но ее гложет кое-что еще – с самого приезда Элин пытается избавиться от чувства вины. Вины за то, как резко она порвала с Лорой, как их дружба в один миг съезжилась и умерла.

– Ты никогда не приезжала к ней в гости?

Она качает головой:

– Мама хотела, но денег было маловато.

– И вы не поддерживали связь?

– Нет, – резко отвечает она. – После смерти Сэма все прекратилось.

Элин вспоминает письма Лоры. А позже – сообщения в мессенджере. Но Элин отвечала неохотно – один раз, второй, а затем переписка иссякла сама собой. Почему-то так было проще – не общаться. Не только из-за воспоминаний, но и потому, что в глубине души Элин завидовала Лоре. Ведь ее жизнь не изменилась. Она могла двигаться дальше.

– Ты знаешь, как она сошлась с Айзеком?

– Наверное, через соцсети. Он приехал сюда по работе... Лозаннский университет не так далеко от Сиерре... Там живет Лора. Она помогла ему устроиться. Мне почему-то кажется, что это было не случайно, он знал, что я буду в бешенстве.

– Так не обращай внимания. Просто веселись. Не давай ему того, чего он хочет. Расслабься. – Уилл откидывается на спинку стула. – Эта... затея с отпуском будет иметь толк, только если ты не станешь принимать все так близко к сердцу.

Элин скользит взглядом по залу.

– Я пытаюсь, но это место... Есть в нем нечто странное, тебе не кажется? Нечто жутковатое.

– Жутковатое? – улыбается Уилл. – Тебе здесь не нравится просто потому, что приходится выйти из твоей зоны комфорта.

И это не совсем шутка. Уилл никогда этого не говорил, но Элин знает, как его выводит из себя ее упертость. Он не может этого понять, примириться и поэтому обращает все в

шутку.

Элин выдавливает из себя улыбку:

– Из зоны комфорта? Да брось, я ведь мисс Спонтанность. Могу сорваться куда-нибудь под влиянием порыва...

– Раньше – да, – с серьезным видом говорит Уилл, заглядывая ей в глаза. – Когда мы только познакомились.

Элин сжимает бокал.

– Сам знаешь, что случилось. – Ее голос дрожит. – Ты знаешь, через что я прошла в прошлом году.

– Знаю, но не позволю этому разрушить твою жизнь. Дело Хейлера, твоя мама, Сэм, твои проблемы с Айзеком – ты позволила всему этому разбухнуть до невероятных размеров и полностью тебя поглотить. Твой мир... становится все меньше и меньше. – Он улыбается, но не переживает, Элин это чувствует. – Я по-прежнему жду, когда мы отправимся в поход, как ты хотела. Купил палатку и все необходимое...

– Хватит. – Элин отталкивает свой стул в ужасе от того, какой тяжестью налилась грудь.

Похоже, сейчас она снова расплечется. Здесь, прямо в столовой, рядом с Уиллом. Его слова звучат как предупреждение. Что и он, как и работа, не будет ждать вечно.

Элин встает. Она просто не готова потерять еще кого-то.

– Да брось, Элин, я же шучу...

– Нет. – Затылок и спину обдает жаром. – Я не могу, Уилл. Не сейчас. Не здесь.

Незнакомец возвращается. Адель слышит ритмичный хруст шагов и тяжелое дыхание с присвистом.

Она все так же сидит, привалившись к стене, не сдвинувшись с тех пор, как сюда добралась.

Слушай. Соображай. Не трать понапрасну силы.

И вдруг кто-то сжимает ее руку. И тянет в сторону. Адель падает на пол. От рывка по плечу и шее разливаются волны боли.

Она вскрикивает, сворачивается в калачик, поджимая ноги.

И крепко зажмуривается.

Не открывай глаза. Что бы ни случилось, не открывай глаза. Она снова и снова мысленно повторяет эту мантру. Адель понятия не имеет, кто этот человек и чего хочет, но жуткая штукавина у него на лице... Именно она нагоняет такой ужас. Адель понимает, что страх делает ее слабой, лишает шанса вернуться обратно к Габриэлю.

Отец однажды рассказывал ей, что делает с мозгом страх, эта примитивная реакция, которую ты не в силах контролировать.

Как это называется? Та часть мозга? Думай... Но она помнит только, что, когда эта крошечная часть мозга ощущает угрозу, она переписывает сознание, так что тело направляет

всю энергию на защиту от угрозы.

Проблема в том, что остальные части мозга практически отключаются. Например, кора – главный центр принятия решений и оценки ситуации – работает неполноценно, и становится невозможным придумать лучший выход из трудного положения.

Она слышит другой звук.

Расстегивают молнию? Какой-то шорох.

Адель нервно сглатывает. Что он делает?

Думай, снова говорит она себе. Думай. Еще есть время...

пока ты не видишь его, ты еще можешь выпутаться...

И лишь чувствуя на себе его руки, Адель понимает, что напрасно закрыла глаза, что все равно утратила способность думать, сама того не замечая. Закрыв глаза, она лишь упростила ему задачу, лишила себя последнего шанса сбежать, пусть и крохотного.

Да. Страх сделал свое черное дело.

Поначалу Адель ничего не чувствует. От холода и усталости кожа онемела.

А потом она ощущает нажим. Правое бедро сдавливают пальцы. Но настоящие ощущения приходят, лишь когда острый металлический кончик иглы прокалывает кожу и оказывается в мышце.

Резкая боль.

Адель брыкается и кричит. Она открывает глаза, но ничего не видит. Ее уже поглотила тьма. Непроницаемая темнота

обволакивает все вокруг.

– Прошу тебя. – Догнав Элин, Уилл хватает ее за руку. – Вернись.

– Не могу.

Качнувшись на каблуках, Элин снова чувствует, что вот-вот накатит паника.

– Элин. – Уилл крепче сжимает ее руку. – Если ты будешь сбегать каждый раз, когда мы обсуждаем важные вещи, то какой смысл оставаться вместе? Если мы не можем поделиться своими проблемами, значит, нас ничто не связывает по-настоящему.

Элин смотрит на него. Лицо Уилла покраснелось от злости, но глаза за стеклами очков излучают тепло. Элин охватывает чувство вины. Он же просто заботится о ней. Хочет поговорить, это ведь нормально, правда? И она сама должна стать... попробовать стать нормальной – ради Уилла.

Она кивает и возвращается вместе с ним к столу.

Когда они снова садятся, Уилл легко касается ее руки.

– Хочешь об этом поговорить?

– Да. – Элин колеблется. Ей не хочется снова затевать ссору, но слова начинают литься, прежде чем она успевает их остановить. – Уилл, ты был не прав, когда так говорил. Я стараюсь. Посмотри на нас...

– Ты старалась, но в последние месяцы перестала. Про-

шлое как затор на дороге. Ты не желаешь выходить из дома, разве что на пробежку, больше ни с кем не общаешься. – Он ненадолго умолкает. – А знаешь, как-то ночью я слышал, как ты разговаривала. Звала Сэма. Я думал, что ты пытаешься пережить это, Элин. Горе. Что тебе становится лучше.

Элин впитывает его слова. Лучше? Как ей может стать лучше? Горе по Сэму по-прежнему внутри, в каждой клеточке ее тела.

Элин не знает, как это пережить. Как вообще можно изъять человека из жизни, когда вы неразрывно связаны?

Она понимает, как это тяжело для Уилла – он хочет увидеть какой-то прогресс, какой-то знак, что она переступит через прошлое, если не сейчас, то в скором времени. Порой Элин гадала, не рассматривал ли ее Уилл как своего рода проект, когда они только познакомились, вроде старого здания, которое нужно обновить. Небольшое изменение дизайна, последний рывок, окончательная установка, и вот она уже сверкает как новенькая. Вот только она не сверкает, по крайней мере пока, а вечно не вписывается в его расписание, а этого Уилл терпеть не может.

– Это меня пугает, Элин. Как далеко все может зайти. – Уилл смотрит на нее. – Твоя работа... Они не будут ждать тебя вечно, ты же знаешь, да?

«Я знаю, – хочется сказать ей, – но не уверена, что способна и дальше работать детективом».

Элин все твердит себе, что стоит только докопаться до ис-

тины, узнать, что случилось в тот день, когда погиб Сэм, и все встанет на свои места, она сможет двигаться дальше. Но что, если нет? Если она навсегда останется такой?

К горлу подкатывают рыдания и прорываются наружу не то икотой, не то всхлипом.

Уилл сжимает ее плечо.

– Слушай, мне не следовало этого говорить. Мы оба устали. – Он тянется за своим бокалом. – Ты перебирала мамины вещи, потом мы целый день ехали, и вдобавок еще и это.

Он прав. Последние два вечера Элин допоздна копалась в материнских вещах. Каждый предмет – книги, одежда, выцветшие фотографии в рамках – навевал воспоминания, и Элин чувствовала себя такой одинокой и брошенной на произвол судьбы. После смерти матери прошло больше полугода, но горе было еще совсем свежим.

Осушив бокал с вином, Уилл говорит полушепотом:

– Знаешь, больше всего меня бесит, что Айзек предоставил тебе ухаживать за мамой, разбираться с ее делами и имуществом, личными вещами, а теперь, когда ты к нему приехала, играет в свои игры.

– Я знаю, – напряженно отвечает Элин. – Но мне казалось, на этот раз он может измениться.

Уилл поднимает брови.

– Да брось, Уилл, он наверняка хотел прийти. Наверняка у них какие-то проблемы... Ведь он сам сказал, правда? Предложил поужинать вместе.

– Хватит, – обрывает ее Уилл. – Мы опять возвращаемся к этой теме. Бередим старую рану, задаем вопросы, бесконечно анализируем. Вот ты, например, говоришь о том, чего он хочет. Давай просто проведем приятный вечер. – Он изучает винную карту. – Как насчет коктейля?

Элин колеблется, пытается взять себя в руки.

– Ты прав. Давай получим максимум удовольствия от пребывания здесь.

Уилл подзывает официанта.

– Вот этот. – Он тычет в меню пальцем. – И этот.

Когда приносят коктейли, он смеется.

– Минималистично, как и все остальное.

Он прав. Напитки выглядят одинаково строгими. Никаких ярко-синих или розовых цветов, никаких кричащих украшений. Ее мартини с личи – приглушенно-розоватый, а на краю бокала красуется целый плод личи. Коктейль Уилла – почти бесцветный.

Элин делает глоток. И сразу чувствует сладость. А водка обжигает горло приятным теплом. Коктейль оказывается крепким.

– Попробуешь мой?

Уилл подвигает к ней бокал, смотрит на нее и улыбается, но видно, настолько он напряжен. Сейчас он притворяется, но еще несколько коктейлей, и станет настоящим.

Элин сжимает ладонью ножку бокала, и ее плечи расслабляются. Уилл прав. Нельзя позволять Айзеку ее подавлять.

А кроме того, она приехала не для того, чтобы наводить мосты.

Она хочет заставить его признаться в том, что он сделал, раз и навсегда.

Уилл распахивает дверь и вваливается в номер. Он неуклюже сует пластиковую карточку в устройство на стене, его рука дергается.

Ничего не выходит – карточка гнется и скользит мимо цели.

– Дай мне. – Элин со смехом отбирает у него карточку-ключ и аккуратно засовывает ее в узкую щель. Над головой загораются яркие точечные светильники, заливая комнату резким светом.

Элин вздрагивает от ледящего холода – все в этой комнате действует ей на нервы, доводит до предела.

И не сказать чтобы в номере было пусто – здесь есть кровать, диванчик, стол и стулья, но глазу не за что зацепиться, никаких привычных декоративных деталей – штор, подушек, ваз.

Кровать встроена в стену, составляя с ней одну неразрывную линию, как и гардероб, только между ними какой-то странный проем. Длинный низкий диван с белой льняной обивкой почти сливается со стеной.

Возможно, это с Элин что-то не так, раз ей здесь так неудобно. Она вспоминает строчки из своей последней рабочей характеристики: «Элин тяжело приспосабливается к переменам. Это может помешать ее карьере...»

– В чем дело?

С кривой ухмылкой Уилл сбрасывает ботинки. Его взгляд расфокусирован, веки набрякли. Он пьян. Таким Элин давно его не видела.

В его руке телефон. Раздается громкое треньканье.

Элин узнает этот звук – чат со школьными друзьями в «Ватсапе». Всякие хохмы.

Уилл общается со своими друзьями совсем не так, как она со своими – в его группах нет никакого взаимодействия, помимо пересланных шуток и краткой реакции на них. Никаких любезностей или болтовни, сплошная бомбардировка мемами.

Он смотрит в экран и улыбается:

– Смотри.

Уилл протягивает телефон.

Элин изучает экран. «Страдающий ожирением скоро поправится».

Элин не может сдержать смех. Хотя она никогда этого не признавала, шутки все-таки смешные. Такой детский, самый примитивный юмор, который всегда нравился и ей, и Уиллу.

Она вздыхает, глядя на экран:

– Айзек так и не позвонил. Даже сообщение не прислал.

Элин бросает телефон на кровать и подносит пальцы к вискам. В затылке постепенно зарождается головная боль.

Она берет стакан, наливает воды и делает большой глоток.

Элин никак не может избавиться от послевкусия коктейля

– кислого, металлического привкуса спиртного в горле.

– Забудь, – улыбается Уилл. – Давай не будем портить вечер. Расслабься.

Элин каменеет. Действие спиртного начинает улетучиваться. Она снова в полном раздрае.

Уилл обнимает ее за талию и притягивает к себе, обхватывает ее бедра:

– Можно провести романтический первый вечер...

Элин сбрасывает его руки:

– Может быть.

Этого не будет. Чем сильнее она пытается не думать об Айзеке и ужине, о котором он позабыл, тем сильнее в ней вскипает раздражение.

Элин в бешенстве. В первый же вечер он бросил их на произвол судьбы. Ни один нормальный человек так не поступит. Что тут сложного? Одинаковые усилия с обеих сторон. Нормальный контакт.

Неровной походкой Элин подходит к балконной двери и выходит на террасу. На деревянных балках намерзли молочно-белые разводы льда.

Она вдыхает чистый ледяной воздух.

И еще раз.

В голове начинает проясняться, алкогольный туман рассеивается, исчезает.

– Посмотри, Уилл! – зовет она. – Наконец-то можно увидеть пейзаж.

В прорехе между облаками виднеются бледные полосы неба. Туманный полумесяц отбрасывает мягкий свет на горные вершины.

На первый взгляд они великолепны, но чем дольше Элин смотрит, тем яснее понимает, насколько зловещими выглядят горы, их зазубренные пики. А самый высокий погибает, как коготь.

Элин ежится.

Она вспоминает рассказ Айзека о Даниэле Леметре, пропавшем архитекторе. Тело так и не нашли. И никаких улик. Нетрудно представить, думает Элин, глядя на пейзаж, что это место способно поглотить человека без остатка.

– Великолепно, – произносит Уилл из дверного проема, – но ты лучше все-таки иди внутрь. У тебя такая тонкая блузка. Говорят, люди, когда выпьют, не чувствуют холода. А на следующий день их находят – полураздетых и умерших от переохлаждения. – Он смотрит на деревянное кресло рядом с ней и говорит, как будто его только что осенило: – Этот шезлонг... Он же в точности такой же, какими пользовались в санатории...

– Да уж. – Элин улыбается, но тут же замирает, прикладывая палец к губам.

Она что-то слышит: скрип шагов на снегу. Щелканье зажигалки. И голос, говорящий на мелодичном французском. Свешиваясь через перила, Элин видит всклокоченные черные волосы и шарф.

Она охает.

Лора.

Лора выходит из главного входа и пробирается по снегу перед фасадом отеля. На ней толстый черный пуховик, он расстегнут. На шее по-прежнему серый шарф, но теперь он развязан и свисает до талии.

Лора останавливается точно под их балконом. В ее руке сигарета, в воздух поднимаются тонкие струйки дыма. Она громко тараторит по телефону и жестикулирует, крохотный огонек на кончике сигареты пляшет на фоне ночного неба как светлячок.

Элин стоит неподвижно, боясь пошевелиться и привлечь внимание.

Лора слегка поворачивается. Свет из отеля падает на ее лицо, подчеркивая резкие черты: часть скулы, точеный нос и лоб.

Ее лицо выглядит суровым, глаза прищурены, губы слегка изогнуты. Элин не знает французского, но ясно понимает эмоции Лоры. Она сердится, на взводе. Ничего общего с человеком, которого Элин видела несколько часов назад.

Элин не сводит с нее глаз. И понимает, что эта новая Лора – совершенная незнакомка.

День второй

Сначала она чувствует запах свежей выпечки, горького кофе, свежего сыра.

Элин изучает стол: на нем корзинка блестящих от масла круассанов, багет и крохотные рулетики, присыпанные крупинками соли. Жонглируя деревянными щипцами, темноволосый официант перекладывает булочки с шоколадом в пустую корзинку. Когда он отходит в сторону, становятся видны ветчина, салями, копченый лосось и керамические тарелки со сливочным йогуртом.

У Элин урчит в желудке.

– Вот это я называю завтраком, – потирает руки Уилл.

Элин смеется:

– Не сомневаюсь, что ты справишься.

Уилл обладает легендарным аппетитом. Как-то раз он съел две самые большие пиццы, а потом заел их тройной порцией мороженого. Завтрак – его любимая еда за день, главное топливо.

Он улыбается и толкает Элин в бок:

– А ты что выберешь?

– Мне не хочется есть. – Элин наливает себе стакан апельсинового сока из графина. Ее рука дрожит, и часть расплескивается. – Черт.

Элин смотрит на лужицу, расплывающуюся на скатерти, словно жидкий солнечный свет, пока сок не впитывается.

– Силенок маловато, – шепчет Уилл, стараясь не засмеяться.

Элин улыбается, пытаясь не обращать внимания на стреляющую в виске боль. Вот почему она редко пьет. Она старалась изо всех сил, учитывая ситуацию, и проглотила четыре коктейля, но не ради веселья, а ради забвения.

Какое опасное совпадение, думает она. Ее мать тоже пила после смерти Сэма. Пыталась забыться.

Элин вспоминает, что бывали дни, когда мать совсем не выходила из дома. Часами смотрела на пляж, и бесчисленные чашки чая остывали в ее руках.

Отец вел себя совсем иначе. Он занялся лихорадочной деятельностью. Убрался в комнате Сэма. Выкинул из дома все газеты. Решительно выключал телевизор, когда передавали новости.

Элин всегда считала, что его уход через несколько лет после смерти Сэма был естественным результатом. Он начал новую жизнь в Уэльсе, с новой женой – то был единственный способ двигаться дальше. Стер свое прошлое, чтобы подвести черту.

Но Элин не могла сбежать от тех слов, от которых пытался

сбежать отец. Они были повсюду – в ларьке на набережной, в новостях по телевизору в кафе.

«Утонул местный мальчик. Город до сих пор скорбит из-за трагической смерти восьмилетнего Сэма Уорнера».

Элин отбрасывает эти мысли.

– Они здесь?

Она берет тарелку и осматривается. Как она ни пытается оправдать поведение брата, все равно ничего не складывается – пропущенный ужин, раздраженная Лора под балконом, в пальто нараспашку.

Уилл оглядывается через плечо:

– Нет. Чисто.

Он накалывает ломтик салями и кладет его на тарелку.

При взгляде на скользкие от масла толстые сосиски с крохотными, вытопившимися кусочками жира Элин подташнивает.

– Поем немного хлеба.

Она берет рогалик без начинки и плюхает на тарелку алую каплю джема.

Элин садится за стол у окна и потягивает свежавыжатый апельсиновый сок. Он густой, и волокна мякоти прилипают к языку.

В голове начинает проясняться, и Элин выглядывает наружу. За окнами высятся свежие сугробы, невозможно белые на фоне небесной синевы. Пейзаж впервые выглядит не зловещим, а манящим. Может, предложение Уилла пойти погу-

лять – не такая уж плохая мысль.

Уилл идет к ней с полной тарелкой.

– Не оглядывайся, только что вошел Айзек. Он один. –

Уилл садится и говорит полушепотом: – Идет сюда.

Элин поднимает голову и смотрит на брата:

– Привет.

Она старается говорить нейтральным тоном, заранее подготовив слова, в голове уже крутятся умные фразы, но, взглянув на его лицо, Элин замолкает.

Что-то явно случилось, понимает Элин при виде его всклокоченных волос и безумного взгляда.

– Лора пропала, – тихо говорит он, озираясь из опасения, что кто-то подслушает.

– Что?!

Ее пульс учащается.

– Она пропала, – повторяет Айзек. – С ней что-то случилось.

Жереми Биссе идет по узкой тропе за «Вершиной» в глубь леса. Внезапно свет меркнет, открытая тропа сменяется массивом густых елей.

Летом по этой скалистой тропе туристы поднимаются до ледника, но сейчас она покрыта снегом. Гладкая.

Он задирает голову. За ночь небо немного расчистилось. Сейчас оно бледного, молочно-белого цвета, с клочьями облаков. Но долго это не продлится. Прогноз на следующую неделю весьма мрачный.

Через несколько минут он находит нужный ритм, четкий, как метроном, палка – лыжа. Его охватывает эйфория – он обожает такие восхождения. Зимой он катается каждое утро перед работой. Ставит будильник на предрассветные часы и поднимается по тропе в сторону Амионы.

Это его единственная регулярная привычка. Вообще-то, он ненавидит любую рутину. Она напоминает о больнице. О последних днях жизни отца. Каждые сутки как мрачная петля безнадежной регулярности – обход палат, прием лекарств, выключение света.

Жереми отгоняет эти мысли. Его дыхание становится учащенным и тяжелым. Мышцы бедер и сухожилия под коленями уже ноют.

Непростой подъем, но именно поэтому Жереми его и лю-

бит. В глубине души он понимает, что это психологический фокус – постоянным подъемом он как бы отбрасывает мысль о том, что постоянно падает. Вчера ночью он опять проснулся до рассвета, во влажных от пота простынях. Горе. Работа. Предстоящая судебная битва.

Он представляет лицо своей бывшей, с явно читающимся на нем презрением, когда она сажает Себастьяна в машину.

Жереми отгоняет и эту мысль и прибавляет ходу.

Через несколько минут лес заканчивается.

Жереми внезапно ослепляет свет, усиленный снегом. Мрачный полог леса уступает место открытому плато выше линии деревьев. Здесь нет растительности. От ледника его отделяет лишь стена серых складок известняка, изгибы которого покрыты корочкой снега.

Жереми останавливается и прислушивается к своему дыханию, вырывающемуся резкими толчками. По спине под термобельем течет пот. Жереми ждет, пока дыхание восстановится, и осматривается. Отсюда видна вся долина. Город рассекают торчащие подъемные краны, огромные механизмы с прямыми углами нависают над кубическими формами промзоны. Резкие углы порожденной человеком геометрии, не имеющей ничего общего со здешней дикой природой.

Порыв ветра полощет его куртку. Жереми ежится, вспоминая прогноз погоды, надвигающуюся бурю.

Он быстро срывает с лыж камус – тонкие полоски с ворсом, приклеенные к основанию лыж, чтобы они не скользи-

ли при подъеме. Специальная поверхность камуса позволяет лыжам скользить по снегу вперед, но не назад. Для спуска они не нужны.

Он проворно скручивает камус ворсом внутрь, чтобы полоски не слиплись друг с другом, и убирает в рюкзак. Застегивает его и замирает.

Он слышит какой-то звук. Шаги?

Жереми озирается, осматривая местность.

Никого. Никаких признаков жизни.

И снова этот звук.

На этот раз приглушенный.

Он поворачивает голову и уже медленнее осматривает ландшафт. По-прежнему никого. Жереми задерживает дыхание, вслушиваясь в тишину.

И снова этот звук.

Возможно, он доносится сверху...

Жереми впивается взглядом в скалу перед собой.

И замирает с колотящимся сердцем.

Чем дольше он всматривается, тем сильнее ему кажется, что гора как будто надвигается на него. Снежный покров сейчас толще, чем за многие годы, и нависающие карнизы и хребты больше не выглядят знакомыми, они зловещие, чужие...

Жереми отводит взгляд. Наверное, он устал. Всего четыре часа сна... у кого угодно поедет крыша.

Он приседает, подтягивает застежки на ботинках, пере-

ключает крепления на спуск. Вниз он едет по параллельной лесу тропе.

В этой части долины нет подъемника, снег толстый и нетронутый, сплошной массив раскинувшейся белизны.

Когда он начинает разворот, по венам растекается адреналин. Жереми скользит сквозь густую туманную пелену поднявшихся в воздух снежных брызг.

На полпути вниз он снижает скорость. Он замечает что-то впереди – в снегу поблескивает какой-то предмет, которого здесь быть не должно.

Что-то металлическое? Трудно сказать...

Подъезжая поближе, Жереми останавливается.

Это браслет.

Гладкий полукруг желтоватого металла. Медный.

А потом Жереми видит кое-что еще – материю. Выцветший голубой хлопок. Дыхание замирает у него в груди, взгляд останавливается на пуговице. Эта ткань... Это одежда.

Жереми отстегивает лыжи, холод пробирает его до мурашек. С каждым шагом он по колено проваливается в глубокий пушистый снег. Он опускается на колени около браслета. Хватает его пальцами и тянет. Браслет не подается, он вмерз в снег и лед, как в цемент. Жереми зарывает ладонь в снег и раскапывает, стараясь освободить место, чтобы раскачать браслет из стороны в сторону.

Ничего не выходит. Приходится копать еще глубже, рас-

чищать снег по бокам браслета. Жереми стягивает перчатку и царапает лед пальцами.

Бесполезно.

Через несколько секунд пальцы немеют и краснеют. Жереми снимает рюкзак и достает складной перочинный нож. Открывает лезвие и молотит им по снегу, откалывая плотные куски льда.

Так уже лучше.

Через несколько сантиметров браслет уже хорошо виден, как и ткань.

Жереми обхватывает браслет пальцами и дергает изо всех сил. И падает на спину, с браслетом и тканью в руке. Но не только с ними.

Он замирает от ужаса.

К горлу подкатывает тошнота. Нож выпадает у него из рук, как и браслет, и Жереми давится, пока его снова и снова рвет на снег.

– Айзек... – начинает Элин, ее слова пронзают странную тишину. – Если это какая-то дурная шутка...

В детстве он проделывал подобное. Вполне в его духе. Что угодно, лишь бы на него обратили внимание.

– Это не шутка, – Айзек заглядывает ей в глаза. – Когда я проснулся, ее уже не было.

Он бледен, под глазами фиолетовые круги.

– Может, она ушла поплавать или в спортзал? – предполагает Элин. – Отель такой огромный. Здесь наверняка куча мест, где она может быть.

– Я проверял. Никто ее не видел. И вообще, вот так уходить на нее не похоже. – Он отодвигает стул и садится. – И еще я нашел у двери вот это. – Он вытаскивает что-то из кармана и кладет на стол перед Элин.

Ожерелье.

Волнами жидкого золота на стол льются тонкие петли цепочки. Элин смотрит на них и замечает маленькую золотую подвеску в виде буквы «Л».

– Наверное, упало.

– Ты только посмотри, – говорит Айзек. – Цепочка порвана. Что-то случилось.

– Что, например?

Ее охватывает знакомое раздражение, Элин уже и забыла,

как это бывало. Как он всеми силами стремился привлечь внимание, бесконечно перескакивая от одной драмы к другой.

– Ну, не знаю. Она бы почувствовала, что цепочка порвалась. Остановилась бы ее поднять. Это подарок Корали. Памятная вещь. – Айзек колеблется. – Как для тебя цепочка Сэма.

Рука Элин на автопилоте хватается за собственное ожерелье. Через несколько лет после смерти Сэма мать заказала ожерелье с его любимым рыболовным крючком, покрытым серебром.

– Так что ты пытаешься сказать?

– Это значит, она уходила в спешке, у нее не было даже времени подобрать цепочку, или она не могла...

– Возможно.

Рядом с Айзеком возникает официант:

– Кофе?

Айзек коротко кивает:

– Черный, пожалуйста.

– Может, она решила прогуляться? – предполагает Уилл, не прекращая жевать. – Распоедилось.

– Может быть. Но почему не оставила записку? Что-то не так. Я уверен. Она бы не ушла, не сказав мне ни слова.

Его тревога заразительна. Сердце у Элин колотится, хотя она и не сомневается, что Айзек преувеличивает. С чего вдруг считать Лору пропавшей? Она отсутствует совсем

недолго. Существует куча объяснений, куда она могла деться.

А потом Элин вспоминает сцену, которую видела накануне вечером. Лора с телефоном снаружи, ее ожесточенное и сердитое лицо.

– Когда ты видел ее в последний раз?

– Вчера вечером. Мы лежали в постели, читали. Выключили свет около одиннадцати.

– А ночью ты ничего не слышал? Никакого шума?

Уилл смотрит на нее с явным удивлением. Элин понимает, что он никогда не видел ее такой. В рабочем настрое. Она и сама удивлена: уже год как не в полиции, а рефлекс никуда не делся – задавать вопросы, собирать информацию.

– Ничего, – отвечает Айзек.

Возвращается официант с кофейником и ставит его на стол. К потолку поднимаются спирали пара.

– Слушай, – говорит Элин, – на работе я постоянно с таким сталкивалась. Люди паникуют, когда кто-то пропадает, волнуются, говорят, что этот человек никогда себя так не повел бы, но обычно всегда есть объяснение – какой-нибудь срочный вызов, другу понадобилась помощь...

– Не оставив записки? Не позвонив? – фыркает Айзек, в его тоне появляются резкие нотки. – Да брось, вы ведь только что приехали. У нас были планы на сегодняшний день.

Элин снова вспоминает Лору с телефоном на улице, бешено пляшущий в ночи огонек ее сигареты.

– И ты понятия не имеешь, где она может быть?

Лицо Айзека мрачнеет:

– Нет.

Он наливает себе кофе. Дымящаяся жидкость расплескивается по сторонам, образует лужицы на столе.

– Ее телефон тоже пропал? А что-нибудь из ее вещей?

Если речь действительно идет об исчезновении человека, понимает Элин, это первое, что следует выяснить. Было это спонтанно или запланировано?

– Нет, все на месте. И телефон, и сумка. – Айзек вытирает салфеткой кофе со стола. – Вся ее одежда здесь, Элин, и ее туалетные принадлежности... Она ничего не взяла. Вряд ли ты оставишь все вещи, если собираешься уехать, правда?

– Слушай, – говорит она, осторожно подбирая слова, – некоторые люди уезжают. Бросают все. Такое случается. – Она задумывается, не зная, как правильно сформулировать фразу. – Айзек, вчера вечером ничего не случилось?

– Нет.

Что-то в его интонациях напрягает Элин. Он явно что-то скрывает.

– Пожалуйста, Айзек. Ты должен ответить честно.

Последний уголок салфетки становится мокрым и грязно-коричневым. Айзек кивает.

– Вчера вечером Лора была расстроена. Вздвигнута. Я решил, что это из-за встречи с тобой, но теперь думаю, что дело в другом. – Он хмурится. – Она была какой-то отсутству-

ющей, озабоченной. Я одевался к ужину, и тут она вышла из душа и сказала, что не пойдет. Мол, есть другие дела. Я разозлился, сказал, что их можно отложить, ведь мы договорились встретиться с вами.

– Так ты собирался прийти? – спрашивает Элин ровным тоном, отмечая, что Айзек и не думал извиняться.

– Да, но хотел, чтобы и Лора пошла. – Он трет глаза. – Не знаю, может, мне стоило ответить, дескать, ничего страшного, я пойду один, но ведь это был ваш первый вечер в отеле. Мы поссорились. И серьезно. Лора упряма. Стоит ей заку-сить удила...

– Так она сказала тебе, что у нее за дело?

– Нет. Это меня и взбесило. Она лишь сказала, что это связано с отелем.

– Работа?

– В последние несколько месяцев... она работала без передышки. – Осушив кофе, он встает. Его тело напряжено. – Я собираюсь обзвонить ее друзей, родню и соседей в Сиерре. Если она на самом деле могла уехать без вещей, стоит это проверить.

– Ты уверен, что не хочешь сначала поесть?

Элин не получает ответа – Айзек уже уходит.

Уилл дожидается, пока Айзек покинет зоны слышимости, и смотрит на Элин.

– А ты ведь говорила, что поездка будет непростой.

Его слова звучат легко, но Элин слышит скрытое напря-

жение. Уилл подцепляет с тарелки кусочек лосося.

Элин выдавливая из себя улыбку:

– Скорее всего, она где-то в отеле. Они поругались, она наверняка пьет кофе в каком-нибудь темном уголке вестибюля, прячется.

– Ты бы так со мной поступила? – Уилл с невозмутимым видом кладет кусок розоватого лосося в рот. – Спряталась, чтобы меня наказать?

– Это не смешно, Уилл.

Он улыбается.

– Прости, – повисает долгая пауза. – Просто мне кажется, он рановато начал волноваться, разве нет? Сразу заявил, что произошло нечто ужасное.

– Но как насчет вчерашнего вечера? Лора с телефоном. Снаружи, под нашим балконом. Если она пропала, это как-то связано.

Слова повисают в воздухе. Элин корит себя. Это всего лишь предположение. Они ничего не знают. И все-таки она вспоминает, почему ей не следует работать. Она еще не готова, так ведь? Торопится высказать гипотезу, делает поспешные выводы – так нельзя.

– Элин, он уже довел тебя до ручки.

Уилл кусает губы.

– И что, по-твоему, мне делать? Забыть то, что он сказал?

Элин крепче сжимает стакан с апельсиновым соком, кончики пальцев белеют от напряжения.

– Нет, но, по-моему, все это чужь. Они поссорились, а ты приняла удар на себя.

Она не отвечает. А потом поднимает голову и видит в дверях Айзека. Элин провожает его взглядом, поглощая глазами его силуэт, слегка косолапую походку. Знакомую до боли. Элин зажмуривается. Воспоминания всплывают в голове, как поднимающиеся на поверхность пузырьки.

Небо. Бегущие облака. Черный косяк птиц.

И кровь, всегда кровь.

Уилл смотрит на нее.

– Не знаю, осознаешь ли ты, но, когда ты его видишь, у тебя всегда особенный взгляд.

– Что значит особенный?

Стук колотящегося сердца отдается у нее в ушах.

– Испуганный. – Уилл отодвигает тарелку. – Каждый раз, когда ты на него смотришь, ты выглядишь напуганной.

Вытирая губы тыльной стороной ладони, Жереми оборачивается, заставляя себя посмотреть на снег, на свою мрачную находку. В горле остается кислый и едкий привкус рвоты.

Под браслетом – кость. Согнутая под невыносимым углом. Жереми ерзает, пытается восстановить дыхание. Его лоб покрывается бисеринками пота.

За несколько лет здесь обнаружили несколько таких находок – из-за глобального потепления ледник отступил, обнажив трупы, лежащие тут уже многие десятилетия.

Всего пару лет назад на леднике у Шандолэна нашли супружескую пару, спустя семьдесят пять лет после их исчезновения. Они провалились в глубокую расселину.

Во всех газетах и в интернете несколько дней подряд назойливо публиковали выразительные фотографии, несмотря на прошедшие годы. Потрепанная кожаная сумка, бутылка вина. Черные ботинки со старомодными подметками на гвоздях.

Жереми рассматривал фотографии как одержимый не только потому, что они показывали забытый образ жизни, но также из-за катарсиса, который они символизировали. Он представлял, как потомки погибших наконец-то смогут оплакать родных.

Его взгляд перемещается ниже. Под браслетом видны часы. Судя по всему, дорогие – широкий золотой браслет, крупная глянцевая поверхность с крохотными бриллиантами.

С внутренней стороны видны слова – гравировка. Жереми наклоняется ближе.

Даниэль Леметр.

Жереми отскакивает. Пропавший архитектор!

Он вытаскивает из кармана телефон, набирает 117, и по его лбу течет новая струйка пота.

– Айзек. – Элин стучит в дверь. – Айзек, это я.

Ей жарко в термобелье, предназначенном для прогулок на улице, а не по длинным коридорам отеля.

Дверь распахивается. Все лицо Айзека в красных пятнах.

– Прости, что сначала не позвонила, – неуверенно произносит Элин. – После завтрака Уилл решил пойти на прогулку. – Она выдавливает из себя улыбку. – Но далеко мы не ушли. Снег слишком глубокий.

Что-то в лице Айзека меняется, но вспышка эмоций гаснет так быстро, что Элин не успевает толком разобрать. То же самое бывало и в детстве. Сбитая с толку Элин пыталась понять, что происходит у него в голове.

Он разворачивается и идет обратно в комнату.

– Можно войти?

Нелепо, что приходится его спрашивать, но невозможно понять, хочет ли он, чтобы Элин вошла.

– Да, – резко отвечает он.

Элин сразу же замечает на полу его горные ботинки. Они влажные, мокрые черные шнурки распущены и покрыты кусочками льда.

– Ты тоже выходил?

Айзек расхаживает туда-сюда перед окном.

– Только что вернулся.

Элин не отвечает, пораженная скоростью его речи. Он явно на взводе. Эти лихорадочные движения, покрасневшее лицо.

Он в панике.

– И чем ты занимался?

– Искал ее. Поднялся к лесу. Думал, может, она вышла наружу и упала. – Его черты напрягаются. – Все остальное я уже пробовал. Прочесал отель. Обзвонил ее друзей, родственников и соседей. Никто ее не видел и не разговаривал с ней.

Элин смотрит на него, и ее охватывает неприятное чувство, как будто кто-то слишком сильно сжал ее в объятьях. Движения Айзека, его мельтешение туда-сюда внезапно начинают казаться преувеличенными.

– И?

– Безуспешно. Ни следа. Никто о ней не слышал. Я только что позвонил в полицию.

– Уже?

Элин пытается сохранить невозмутимое выражение лица. Он кивает.

– Бесполезно. Мне сказали, что она отсутствует совсем недолго, они не начнут расследование. Дескать, если нет никаких признаков, что она ушла в горы или кататься на лыжах или у нее какие-то проблемы, то пока не нужно паниковать. Я знаю, она пропала совсем недавно, но мне это не нравится. Если с ней все в порядке, почему она до сих пор не позво-

нила?

– Не знаю. – Элин подходит ближе. – Возможно...

Она останавливается.

Стекло.

Оно снова ее нервирует. Окна в номере Айзека выходят прямо на лес. Густой массив припорошенных снегом елей поднимается по склону горы.

Взгляд Элин скользит по деревьям. Хотя их ветки и покрыты сверкающим снегом, лес производит впечатление темного, непроницаемого.

Ее сердцебиение учащается. Она нервно сглатывает, осознавая, что это безотчетная реакция.

Почему так? Это зрелище вызывает в каждой клеточке тела глубочайшее отвращение.

Айзек нетерпеливо следит за ее взглядом.

– Лора ненавидит лес. Она всегда говорит, что это отличное прикрытие для тех, кто любит подглядывать. Мы их не видим, а они нас видят. Эти окна, свет... Мы здесь как на ладони.

– Хватит.

Чем дольше Элин смотрит, тем сильнее искажается изображение, деревьев как будто становится все больше и больше.

– Что с тобой? – изучает ее Айзек.

– Ничего.

– У тебя что, до сих пор панические...

– Нет, – обрывает его Элин. – У меня их нет.

Она преувеличенно громко зевает, заставляя себя посмотреть на комнату.

Планировка такая же, как и в ее номере, только на стене висит большая картина, а мебель более молочно-серого цвета. Взгляд привлекают детали: ноутбук, телевизор, непочатая бутылка воды. На полу разбросана одежда и обувь. Лорина обувь – синие кроссовки New Balance, поношенные горные ботинки, замшевые спортивные туфли.

Вообще-то, в основном все вещи Лорины. Разбросанные украшения, свисающий с двери шкафа шарф цвета мха, тюбик крема для лица – без крышки.

Элин смотрит на кровать. Там заметно присутствие Айзека – след его тела на простыне, скомканное пуховое одеяло. Он и в детстве так спал. И Элин тоже. Словно кровать не способна сдержать их энергию. Но теперь Элин спит по-другому. Энергия покинула ее много месяцев назад.

Ее взгляд соскальзывает к скособоченной стопке книг на ночном столике. Французских книг. Одна открыта и лежит обложкой вверх, корешок погнут посередине. Элин понимает, что Айзек прав. Как будто движение на мгновение остановилось, а Лора просто спустилась позавтракать. Не похоже, что она сознательно решила уехать.

– Где ее телефон?

– Телефон?

Взгляд Айзека снова останавливается на Элин.

Она замирает, что-то в его тоне настораживает до мурашек.

– Я только пытаюсь помочь.

Он натянуто улыбается, но снова на его лице что-то мелькает, и Элин не успевает распознать, что это.

– Вот. – Он вытаскивает телефон из кармана, набирает пароль и протягивает Элин. – Я уже его проверил. Ничего необычного.

Элин смотрит на экран. Телефон почти полностью заряжен и подсоединен к той же сети, к которой подключился ее телефон, когда они приземлились в Женеве – «Свисском». Элин прокручивает список вызовов. Последний был вчера. От некоего Жозефа. Как такое может быть? Она ведь слышала, как Лора разговаривала по телефону после ужина. Ведь звонок должен отображаться здесь?

Айзек заглядывает ей через плечо, так что она чувствует его дыхание у себя на шее.

– Это ее кузен.

– И ты знаешь всех в этом списке?

– Конечно. Друзья, как я и сказал. В ее почте тоже ничего. – Он отходит в сторону, краснея. – Я не хотел смотреть, но...

– Как насчет ее ноутбука?

– Ничего. – Айзек хватается ноутбук со стола и протягивает ей. – Он синхронизируется с телефоном. Там те же письма. Все по работе.

Элин усаживается на краешке кровати и просматривает ноутбук – сохраненные документы, историю интернет-браузера. Айзек прав – все связано с работой. На первый взгляд ничего тревожного.

Она ставит ноутбук обратно на стол и идет в ванную, Айзек следует за ней. Вокруг раковины рассыпана косметика – компакт-пудра, увлажняющий крем. На полу – несколько скрученных хлипкой змейкой полотенец. На полке над раковиной стоит открытая белая косметичка.

Покопавшись в ней, Элин выуживает розовый пинцет, восковые полоски, кисть для пудры, тональный крем и тушь. В боковом кармане, застегивающемся на молнию, лежат тампоны, таблетки от аллергии, упаковка ибупрофена.

Элин застегивает косметичку, и ее охватывает подкравшееся беспокойство. Лора не оставила бы все это. Если она хоть немного похожа на Элин, то эта косметичка – ее спасательный круг. Часть ежедневных доспехов.

Элин поворачивается и уже открывает рот, но тут видит в зеркале, как Айзек берет что-то с полки и сует в карман.

Элин наблюдает за ним, не шевелясь. Айзек с улыбкой поворачивается – он не видел, что она заметила.

Он действовал быстро, но недостаточно быстро. Что-то от нее спрятал. Он вроде бы расстроен из-за пропавшей невесты, но уже обманывает.

Элин сжимает кулаки, к горлу подступает отвращение. Как она могла быть такой душой? Она чуть ему не поверила –

словам, фальшивым эмоциям. Но люди не меняются, правда?

Способность лгать и обманывать вплетается так глубоко, что невозможно от нее избавиться.

В детстве Айзек постоянно врал. Он ненавидел свой статус среднего ребенка – на два года младше Элин и на два года старше Сэма, – и ложь стала его сутью, способом привлечь внимание, получить преимущество, поставить брата и сестру на место.

Она помнит, как Сэм с гордостью принес домой первую награду по плаванию, и Айзек с трудом стер с лица болезненную обиду, когда родители хвалили брата. Через две недели на деревянном постаменте появился порез, слишком глубокий, чтобы быть случайной царапиной. Айзек все отрицал, но они знали, кто это сделал. Знали, на что он способен.

– Для тебя это, наверное, будто вернуться на работу. – Подбрав с пола полотенце, Айзек вешает его на сушилку. – Знаешь, я даже не думал об этом. Ты – и работаешь в полиции, столько времени.

– Я знаю.

– Ты так никогда и не рассказывала, почему пошла в полицию, – продолжает он. – В детстве ты хотела стать инженером.

Элин смотрит на него и чувствует, как где-то глубоко внутри зарождаются слова. Почему бы наконец не признаться?

«Я пошла работать в полицию из-за тебя, Айзек. Из-за того, что ты сделал».

– Над чем ты сейчас работаешь? – вырывает ее из грез Айзек.

Было бы так просто солгать, но Элин не может добавить еще один слой лжи, все и так слишком запуталось.

– Я не работаю... Я в отпуске, – отвечает она, возвращаясь в спальню.

– В отпуске?

Айзек следует за ней и останавливается у окна.

– Было одно дело... Крупное. – К ее щекам приливает кровь. – Я облажалась.

В памяти всплывают образы. Чужие пальцы на ее лице. Серые и черные прожилки камня. Вода. Всегда вода.

– Что случилось?

– Я не имею права рассказывать...

– Брось, Элин, я же никому не скажу.

– Это было очень важное дело. Мое первое в качестве сержанта. Убийство двух пятнадцатилетних девочек. Их тела привязали к моторной лодке, и гребной винт завершил дело. – Элин напрягается при воспоминаниях. – Не было никаких зацепок. Лодка украдена. Отпечатков нет. Никаких записей с камер в гавани – они были сломаны. Пришлось давать объявление в интернете и в газетах. Устраивать пресс-конференцию с родителями. – Она откашливается. – Через

месяц случился прорыв. Анонимная наводка. Нам назвали имя – Марк Хейлер. Мы нашли его в базе. Аресты за хранение наркотиков, обвинение в тяжких телесных.

– Хорошая ниточка.

Айзек расчесывает уголок глаза, его кожа уже выглядит болезненно.

Элин кивает.

– Мы пришли к нему домой, но он удрал, и мы начали розыск. Обнаружили его у бывшей жены. Он застал нас врасплох, рванув к набережной. Мы разделились. Я заметила его, пыталась вызвать подмогу, но рация сломалась. Я не раздумывала, просто следовала за ним. По пляжу, в пещеры. Я вошла в пещеру, но потеряла его из вида. Когда я выбралась, уже начался прилив, вода была мне по шею. Я поплыла, но он поджидал меня в воде. Ударил меня камнем. – Она прикасается к губе. – Вот откуда этот шрам.

– Я заметил.

– Он толкал меня под воду. И я... окаменела. Мое тело просто отказалось сопротивляться. Я погрузилась под воду и не вынырнула. – Она горько усмехается. – Наверное, он решил, что со мной покончено, и бросил меня там.

Элин не говорит, что тогда под водой ей хотелось там остаться. Так сильно хотелось. Сдаться. Прекратить борьбу. Но воля к жизни оказалась сильнее. Желание узнать правду о том, что случилось с Сэмом.

И мысль об этом снова выкидывает ее на поверхность. На-

поминает о том, почему она здесь.

– Я взяла отпуск по болезни, и он сильно затянулся. Так что вот, я фактически безработная.

– И ты не хочешь вернуться?

– Не то чтобы не хочу. Не могу. Во мне что-то надломилось. Ошибки, которые я совершила – не остановилась, чтобы все обдумать, не подождала подкрепление, – поставили под сомнение мои способности и здравомыслие... И то, как я замерла тогда в воде, напомнило мне, что я не разобралась с собственными проблемами.

Айзек пристально смотрит на нее:

– Я не знал. Мне жаль.

Элин наконец-то встречается с ним взглядом. Поначалу осторожно, но потом страх сменяется злостью, такой привычной и уютной. Ее легче контролировать.

– Мы не общались, Айзек. Вот почему ты не знал. После твоего отъезда мы почти не разговаривали.

– Да. – Его голос ломается. – Но тогда я не знал, что случится.

– Ты про мамин рак? – холодно спрашивает Элин.

Айзек склоняет голову:

– Да. Я не знал, как вернуться, даже если это было нужно. Мне не хотелось вносить разлад. Раскачивать лодку.

На его лице отражается уныние.

Элин смотрит на него, не веря своим ушам, бушующая ярость рвется наружу.

Он так и не понял.

Даже сейчас до него не доходит. Он не понимает, что именно его отсутствие разрывало мать на части.

– Вносить разлад? Мама хотела тебя видеть, Айзек. Не просто перезваниваться, не просто читать дурацкие твои имейлы. – Она чувствует, что дрожит. – Ты даже не приехал на ее похороны. Ты понимаешь, как это выглядело? Что думали другие люди?

– Это все, что тебя беспокоит, да? – Он каменеет. – Как это выглядит со стороны.

Элин с трудом сдерживается. Ну вот опять, прежний Айзек прорвался на поверхность. Язвительные словечки, словно отравленные дротики.

– Хватит перекладывать все на меня. Дело в тебе.

– Я не мог бросить работу. Я же говорил.

– Чушь. Просто отговорка.

Айзек снова подносит руку к глазам и трет веко.

– Ты даже не пытаешься меня понять. – Он замолкает и говорит после паузы: – Ладно. Хочешь начистоту? Я чувствовал себя полным дерьмом, Элин. Виноватым. В том, что не приехал, что редко звонил. Виноватым в том, как вас бросил.

Мысли Элин плывут.

– Так ты все-таки об этом думал?

– Я размышлял, стоит ли вернуться, хотя бы навестить маму, но в глубине души знал, что мое присутствие произведет обратный эффект. Только причинит ей боль.

– Причинит ей боль? Мама страдала много лет. После смерти Сэма.

Услышав это имя, Айзек заметно вздрагивает. Элин охватывает порыв спросить его: «Ты вспоминаешь Сэма, Айзек? Думаешь о нем?» Потому что она постоянно о нем думает – как Сэм спрыгивает с каяка и его худое тело мелькает в воздухе. Сэм на лужайке, его воздушный змей разрезает небо на синие фрагменты. Сэм держит ее за руку, а Айзек кричит. В ушах стоит горячий шепот: «Я тебя не отпущу».

– Сэм... То, что случилось... Уничтожило маму. Ты сам прекрасно знаешь. В тот день, когда мы его нашли... – Слова вылетают быстро, слишком быстро. Она пугается, что не сумеет их обуздать, не сдержится и спросит его напрямую.

«Это сделал ты, Айзек? Ты?»

В его глазах вспыхивает паника.

– Давай сейчас не будем об этом. Ты хотела узнать, почему я не вернулся.

Элин колеблется. Она еще может его спросить, но что, если она его спугнет? Тогда она останется ни с чем.

И в результате Элин кивает.

– Мама... Ей стало лучше, – запинаясь, произносит Айзек. – С твоей помощью она обрела... равновесие. Ты всегда с ней лучше ладила. Когда она заболела, я был уверен, что со мной ей только станет хуже. Она всегда беспокоилась, как я тут живу, мне столько времени потребовалось, чтобы найти работу...

Элин смотрит на него, и ее щеки вспыхивают. Она не может поверить, что он опять так поступает – пытается оправдать свой эгоизм. Она уже собирается нанести ответный удар, но тут ее внимание привлекает что-то за окном. В небе парит вертолет. Красно-белый, с россыпью звезд на боку.

– Что это?

Теперь Элин его слышит – ритмичное вжух-вжух лопастей.

– Вертолет «Эйр Церматт».

Айзек наблюдает, как вертолет летит к лесу.

– Откуда он здесь взялся?

Элин прищуривается и смотрит вверх. Лопасти вращаются так быстро, что их не видно. Только размытое пятно.

– Не знаю. Обычно ими пользуются для перевозки строительных материалов или противотанковых барьеров. В горах это самый дешевый способ.

Элин замечает и еще кое-что – по серпантину к отелю поднимаются два внедорожника, шины вздымают в воздух мелкую снежную пыль.

У первой машины на крыше поблескивают маячки, отбрасывая на капот огненно-оранжевые всполохи. На боку машины нарисованы белые и оранжевые звезды. А рядом с ними только одно слово черными строчными буквами: *полиция*.

Машины останавливаются у входа в отель. Элин наблюдает, как из них выходят люди. Шесть человек, семь. На двоих из первой машины синие брюки и куртки, на спине надпись

«полиция». Вторая группа в обычных ветровках и безрукавках поверх них.

Они явно торопятся, бросаются к багажникам машин и вытаскивают разное оборудование. Опираясь на борт, снимают обувь и надевают лыжные ботинки. И словно в унисон натягивают черную сбрую. Карабины, постромки и веревки, прикрепленные к груди, связывают одного с другим.

По спине Элин бежит холодок страха.

– Кто это?

– Спецотряд полиции, – напряженно отвечает Айзек. – Разбираются со сложными случаями. Захватом заложников, террористами. А некоторые, например эти, работают высоко в горах.

– Почему они здесь?

Айзек переводит взгляд на вертолет, низко кружащий над горой. Челюсть Айзека дрожит.

– Не знаю.

Полицейские закидывают на плечи большие рюкзаки, а потом шлемы. Вынимают из машин лыжи. И быстро поднимаются по дорожке к лесу. И тут Элин замечает, что первую группу ведет знакомый человек в серой флисовой куртке. Он показывает на лес.

– Лукас Карон, – шепчет Айзек.

– Ты прав, – откликается она.

И вдруг замечает кое-что на ковре под ногами.

Кровь.

Почти незаметную, если не знать, на что смотришь, и никогда раньше такого не видел.

Туман брызг, расплывающихся крохотными кругами.

Адель дрожит. Руки и ноги затекли, их покалывает.

Сколько времени она проспала? Несколько часов? Всю ночь? Невозможно сказать – реальность вокруг как будто растворяется. В этом месте темно. Нет, дело не в этом. Глаза чем-то завязаны – грубой, колючей тканью, Адель не может поднять веки.

Ее охватывает паника. В приступе накатившей клаустрофобии она брыкается, пытаясь освободить руки и ноги, но безуспешно.

Хватит. Успокойся. Разберись, что происходит.

Теперь Адель не торопится, двигается осторожно. Шевелит ладонями, пальцами и понимает, что они связаны у нее за спиной. Как и лодыжки.

Она сидит на полу, прислонившись спиной к стене. «Продолжай», – мысленно повторяет она. Если она здесь одна, а так, по всей видимости, и есть, нужно как-то сориентироваться. Узнать, где она.

Адель замирает и прислушивается. Но слышит только ритмичное падение капель. Она где-то в отеле? Ее ведь не могли отнести далеко? Иначе кто-нибудь заметил бы.

А если закричать? Привлечь внимание?

И тут она ощущает во рту вкус меди и соли. Но не сразу понимает, что это.

Кровь.

Адель пытается ощупать языком зубы, чтобы понять, откуда кровь, но ничего не выходит. Во рту у нее кляп. Губы так онемели, что она его и не заметила.

Мысли скачут, нанося последний удар: ты ведь здесь умрешь, верно?

Ты никогда отсюда не выберешься. Не можешь ни кричать, ни пошевелиться.

Никто тебя не найдет.

Она делает глубокий вдох. Хватит. Она должна выбрать-ся. Ради Габриэля.

Думай.

Адель крепкая и сильная – таковы требования к ее профессии. Она что-нибудь придумает.

Начинает зарождаться идея: можно воспользоваться тем, что этот человек, кем бы он ни был, вернется не скоро. Этого времени может хватить, чтобы понять, где она, найти какое-нибудь подручное средство и освободиться.

Другого пути нет, только избавиться от паники, которая захлестывает внутри. Адель никто не хватится.

Габриэль еще неделю не вернется от отца. Если она не будет звонить несколько дней, это вполне привычно. Стефан предпочитает, чтобы эта неделя была его и только его. По правде говоря, Адель это всегда устраивало. Ей не хочется слышать на заднем плане пронзительный, слишком восторженный голос Лизы, подруги Стефана.

На работе тоже не хватает. Ее смена только через несколько дней.

Адель напрягается. Она слышит шаги.

Весь ее план... Слишком поздно.

Похититель здесь, он приближается. Адель чует его запах – какой-то химический, едкий, как запах хлорки в больнице.

Но не только, в воздухе висит еще какой-то запах. Нечто дикое – возбуждение, адреналин, предвкушение.

Он хочет причинить боль.

Адель слышит новые звуки: с шумом вырывается тяжелое дыхание. Прямо рядом с ней.

Она в ужасе пытается пошевелиться, но веревка врезается в кожу на запястьях.

Чьи-то пальцы касаются ее лица, ощупывают его.

Повязку с такой силой срывают с глаз, что она царапает щеки. Глаза Адель щиплет от слез, но она заставляет себя их открыть.

От пола к потолку бешено скачет луч фонарика.

Он останавливается на ее лице, ослепляя резким светом. Адель щурится, хочет закрыть глаза ладонью, но не может.

Луч тут же опускается и упирается в пол. Воспользовавшись моментом, она поднимает голову, в ее венах бурлит адреналин. Она мало что видит – глаза еще не привыкли к свету. Стоит ей пошевелить головой, как перед глазами начинает все кружиться, но все же кое-что она может четко рассмотреть в сумраке: контуры маски.

Фигура похитителя расплывается перед глазами. Он сидит на корточках. На нем маска и мешковатая одежда, невозможно сказать, мужчина это или женщина.

Похититель кладет фонарик на пол, направив его на заднюю стену. Копошится в сумке.

Что он делает?

Адель молча ждет.

Во время этого странного затишья Адель принимает решение: если он приблизится, она воспользуется своим единственным оружием – собственным весом. Прыгнет на него и ударит изо всех сил головой. Нанесет как можно больше повреждений. Так просто она ему не дастся.

Но он не приближается. Вместо этого он протягивает руку с бумагой. Листок всего в нескольких сантиметрах от лица Адель, и изображение расплывается, формы и цвета путаются. Похититель отодвигает бумагу. Теперь на ней видно фотографию.

Адель тут же узнает мужское тело на ней. Безжизненное. Искалеченное. Окровавленное.

И тогда она понимает, что ее схватили не по ошибке. Это не случайное нападение. Все спланировано, методично и четко.

Это месть.

У нее скручивает живот. К горлу подкатывает тошнота, но Адель сдерживается. С кляпом во рту от рвоты она просто задохнется. Она старается успокоить дыхание. Вдыхает

поглубже.

Не шевелись. Не реагируй. Не позволяй ему понять, что он попал в цель.

Она заставляет себя думать о Габриэле. Замещает жестокость фотографии счастливыми образами. Как ее малыш растопыривает пальчики на ногах, когда наелся. Как пухлые ладошки сжимают длинные влажные огурцы. Его синие-зеленые глаза.

Но образы Габриэля растворяются, фотография перед глазами сменяется другой.

Снятой крупным планом.

Фотография, кружась, падает на пол. Адель чувствует движение за своей спиной. Руку на затылке, вцепляющуюся в волосы. Кляп вытаскивают изо рта.

Наверное, в этом все дело, решает Адель. Цель заключалась в фотографиях. Он хотел показать ей фотографии, а теперь отпустит. И тут она видит другую маску, прямо перед собой, тонкие трещинки в резине похожи на язвы.

Адель в замешательстве. Здесь еще один человек?

Но маска движется, приближается к ней, и Адель понимает, что дело не в этом.

Маска предназначена для нее.

Айзек с округлившимися глазами следует за ее взглядом.

– Черт, а я не заметил...

– Не заметил кровь на ковре? – ровным тоном спрашивает Элин.

– Да. Ведь почти ничего не видно. – Айзек нагибается и становится на четвереньки. – Да и с чего ты взяла, что это кровь? Это можно быть что угодно, пятно от...

– Это кровь.

Пальцы Элин сжимаются в кулак.

– Если и так, она могла быть тут уже целую вечность.

На его верхней губе проступают крохотные бисеринки влаги.

Элин качает головой:

– Вряд ли. В подобных отелях следят за чистотой. Такие пятна... Ковер почистили бы или заменили.

Она говорит будничным, холодным тоном, но внутренне кипит. У него что, на все есть ответ? Никогда не тушуетс.

Айзек выпрямляется и откидывает волосы с лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.